

ЛЕА СТЕНБЕРГ

РЕННВИНД
ПРОКЛЯТИЕ ДНЯ

REGNVIND

Леа Стенберг

Тайны Реннвинда. Проклятие дня

«Автор»

2021

Стенберг Л.

Тайны Реннвинда. Проклятие дня / Л. Стенберг — «Автор»,
2021 — (REGNVIND)

Чарующий йойк разносится над горной долиной, густой туман плотно окутывает лес, а тот, кто восстал из небытия, продолжает сеять смерть в городе дождя и ветра. Нея теперь знает, кто она, но открыться Бьорну – значит, лишиться жизни. Девушке предстоит решить: убить того, кого любит, или пожертвовать собой ради него.

© Стенберг Л., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Часть 1. Выбор	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	29
Глава 10	33
Глава 11	37
Глава 12	40
Глава 13	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Леа Стенберг

Тайны Реннвинда. Проклятие дня

Она – тьма. Он проклят ею и обречен на смерть

Часть 1. Выбор

Все начинается с крови и страха

Глава 1

– В ту ночь, когда я пришла к тебе, Сара, я видела в зеркале *себя*. – Мой голос дрожит. – Оно – это я, и в это невозможно поверить.

Мы сидим с подругой друг напротив друга прямо на полу, на цветастом пледе. Кажется, сил подняться я сегодня в себе не отыщу.

– И ты не смогла причинить мне вред. – Пытается успокоить меня подруга. – Значит, зеркало работает.

– В отношении тебя – да. Но я не могу раздать защитные зеркала каждому, с кем общаюсь, и о ком думаю. А, судя по всему, явиться я могу во сне к любому из них.

– Какао. – Анна подает мне тяжелую круглую пиалу с напитком. – Тебе нужно молоко, чтобы восстановиться. Ритуал выматывает.

От какао приятно пахнет шоколадом, и этот аромат вносит диссонанс в мое новое мироощущение: он какой-то уютный и спокойный, а внутри меня по-прежнему бушует буря из пугающих чувств.

– Спасибо. – Я благодарно киваю и принимаю из ее рук напиток.

Женщина опускается на диван.

Она тоже неважно выглядит: под глазами расплылись темные круги, а кожа на лице приобрела оливковый оттенок. К тому же, сколько бы отважная цыганка не пыталась скрыть от меня свое волнение, пряча дрожащие руки в карманы шаровар, я видела, что она была напугана произошедшим не меньше меня. Возможно, ей было бы легче, если бы я сейчас встала и ушла, оставив их с дочерью в покое и не подвергая больше опасности, но у меня просто нет на это сил.

– Мать не хотела мне такой жизни. – Произношу я, сделав большой глоток какао. – Или, возможно, не хотела, чтобы я жила совсем. Догадавшись о моей истинной природе, она осознала, что во всем виноват ее поступок многолетней давности. Он породил настоящего монстра, которому суждено будет отнять много невинных жизней. Убив меня, мама пыталась все это предотвратить.

– Либо она знала, на что идет восемнадцать лет назад. – Глухо отзывается Сара. – Ведь, поняв, что погибает, Карин обратилась к темным силам без промедления.

Я вспоминаю все свои сны.

Две луны – как две стороны одной монеты. Это же Я и моя темная личина. «*Ты, ты, ты...*» – повторяло эхо: это мое подсознание пыталось открыть мне истину и постоянно давало какие-то новые подсказки.

Но я получала их и наяву.

Взять, хотя бы, того коня – он безошибочно почувал исходящий от меня дух смерти, испугался и встал на дыбы. Или кота Сары – тот зашипел, когда я потянула к нему руку. Животные чувствуют подобное.

И не только животные...

– Мама, есть ли какое-то средство? – Подруга трогает ее за колено.

Анна кладет ладонь поверх ладони дочери и переводит взгляд на меня.

– Я не знаю. – Она вздыхает. – Нея – машина для убийств. Ее предназначение – отнимать чужие жизни и питаться ими для поддержания собственных сил. Она будет делать это даже помимо своей воли, такова ее природа.

– Но разве ничего нельзя сделать?

– Нея правильно сказала: мы можем защититься сами, но не сможем защитить всех остальных.

– Я не верю, что это нельзя исправить! – С жаром выпаливает Сара. – Нужно изучить вопрос, посоветоваться со старейшинами нашей семьи. Нужно что-то делать, мама! Посмотри на нее. Это происходит помимо ее воли. Она – не такая. Она не тьма, Нея просто не может себя контролировать!

– Ты что-то помнишь... – Анна прочищает горло. – Ты что-нибудь помнишь из того, что происходит с тобой ночью, Нея?

– Нет. – Отставляю кружку на пол и массирую пальцами виски. – Это все как будто не со мной. Я не осознаю... не понимаю, что это я. Черт, да я даже до сих пор не верю в это!

– Тише, тише, – цыганка протягивает руку, но словно боится коснуться меня. – Успокойся.

Теперь так и будет: все вокруг будут шараться от меня.

– Почему я ничего не помню? – Спрашиваю ее.

– Возможно, твой организм сопротивляется. – Анна встает и идет к столу. – Или просто еще не время. Обычно мы полностью формируемся к совершеннолетию – тогда же и твоя вторая сущность обретет полную силу. – Женщина окунает руки в пепел на дне тарелки и сминая пальцами недогоревшие ошметки ткани. Те рассыпаются, и на ее ладони остается лишь почерневший кулон. – Или дело в чем-то другом...

– В чем?

Цыганка подходит, опускается на колени передо мной и берет мои ладони в свои. Она втирает пепел в мою кожу, а у меня все плывет перед глазами.

– Ты – необычная наттмара. – Тихо произносит она. – Что-то все еще сдерживает тьму в тебе. Я не вижу, чтобы ты обращалась в полном смысле этого слова. Физического обращения не происходит: твое тело спит, а подсознание путешествует. И убивает.

– Что это значит? – Спрашивает за меня Сара.

– Не знаю. – Качает головой ее мать. – Я встречалась с таким лишь однажды. Это было далеко отсюда, когда я еще была маленькой девочкой. К моей бабушке за помощью пришла семья и рассказала, что в городе мрет скотина и погибают люди, и жители подозревают в этом их родственницу. Оказалось, что ночами эта женщина обращается марой и изводит все живое в округе.

– И что с ней стало? Ее вылечили? Изгнали из нее демона?

– Ее убили... – Отводит взгляд Анна. – Это был единственный способ остановить смерти в округе.

– А те девушки... – У меня обрывается дыхание. – Стина, Элла. Их... тоже я?

– Вряд ли. – Качает головой цыганка. – Совсем другой почерк. Они не были задушены или измождены, их разорвали на части. – Она продолжает водить пальцами по внутренней стороне моих ладоней. – Ты еще никого не убила, Нея. *Пока*. Но когда-нибудь это обязательно произойдет.

Мой пульс взвивается до немислимых величин.

– Так не должно быть. Это не правильно! Не справедливо! – Взрывается Сара. – Должен быть способ это прекратить. Нея ведь ни в чем не виновата!

– Тебя убьет любовь. – Вдруг осеняет меня.

– Что? – Анна поднимает взгляд.

– Пророчество из детства. Одна цыганка сказала мне, что *меня убьет любовь*. Теперь я знаю, о чем это: меня убьет не любовь в прямом смысле слова. Меня убьет *тот, кого я полюблю*. «Хочешь жить, убей его сама» – так она сказала мне, уходя. Теперь я все понимаю...

Проклятые слезы срываются с глаз, точно свора собак с цепи.

– Хельвин? – В изумлении произносит Сара.

Глупо, да? В тот же день, когда я вдруг осознала, что испытываю к Бьорну чувства, мне открылась эта мерзкая, неприглядная правда.

– Он создан, чтобы убивать таких, как я. Он должен будет сделать это, чтобы я не причинила никому вреда...

– И что теперь делать? – Подруга закрывает рукой рот.

– Я ему ничего не скажу.

Пока.

Пока у меня еще есть немного времени до того момента, как моя темная сторона не обретет надо мной полную власть.

Глава 2

Иногда сны сбываются. Иногда сны – больше, чем сны.

Я переступаю порог дома, повторяя это про себя и прислушиваясь к тишине. То, что тетя считала даром хождения по снам, оказалось моим проклятием: и обрекла меня на него моя собственная мать.

Конечно, Ингрид не отвернется от меня, если узнает, но, все же, мне лучше держаться подальше от тех, кто дорог.

Нужно помнить: я опасна для всех, кого люблю.

И мне не хочется стать их кошмаром.

– Нея, это ты? – Мелодично звенит голос Ингрид.

Я застываю на пороге. Тетя заглядывает в дом через дверь, ведущую с веранды. На ее руках перчатки, запачканные в земле – очевидно, она занималась пересадкой цветов.

– Привет. – Мое лицо рождает подобие улыбки.

Тетя тут же замечает, что со мной что-то не так.

– Все хорошо? – Хмурится она. – Ты где так долго была?

– В гостях у Сары. – Пожимаю плечами, пряча свои переживания в глубине сердца.

Ингрид стаскивает перчатки, отшвыривает их в сторону и входит в дом.

Я сглатываю, надеясь, что мое лицо не перепачкано пеплом.

– Что случилось, детка?

«Случилось то, что внутри меня сидит монстр, который однажды ночью вырвется на волю, придет к тебе, сдавит шею и высосет все твои жизненные силы – вот что».

– Ничего. Все в порядке. – Растягиваю губы в улыбке.

Но на душе у меня мрак, и тетя это видит. Она смотрит озадаченно и хмурит брови.

– Все думаешь о матери?

«Я хочу быть просто человеком. Хочу быть, как все».

– Да. Я хотела тебя спросить...

– О том, почему она так поступила? – Ингрид обнимает меня за плечи и ведет на кухню. – Ты все еще копаешься в себе? – Усаживает на стул. Затем наклоняется и прижимается к моим волосам. – Чем это вы занимались с Сарой у нее дома? От тебя пахнет гарью.

– Мы зажигали свечи. Я пыталась узнать больше про себя и свою мать.

– Нея! – Всплескивает руками тетя. – Ну, не от цыган же с их дешевыми штучками пытаться узнать о матери! – Качнув головой, она вздыхает и ставит передо мной тарелку с томатным супом и специями. Подает ложку. – Представляю, что они могли тебе внушить!

Ингрид злится.

Самое время сказать ей, что я не голодна, но не расстраивать же тетю еще сильнее? Поэтому, как покладистая девочка, я беру столовый прибор и зажимаю в пальцах.

– Мне просто нужно было знать, зачем она со мной так поступила.

– Зачем бы Карин это ни сделала, это не причина лишать ребенка жизни. – Тетя сжимает кулаки и падает на стул напротив меня.

Я кручу в руке ложку и смотрю на нее.

– А если я... не такая, как все? Если я не достойна жизни?

Ее глаза округляются.

– Это все они, да? Цыгане? Что они наговорили тебе, Нея?

Мотаю головой.

– Это не важно. Лучше ты скажи мне, если я должна знать о себе что-то такое, чего еще не знаю.

Некоторое время Ингрид молча смотрит на меня и не моргает, а затем берет себя в руки и шумно выдыхает.

– Ты самое прекрасное создание на свете, детка. Что бы ни происходило с тобой, я всегда приму и пойму – помни это. Чтобы не случилось, я всегда буду рядом. Расскажи, что ты чувствуешь, что у тебя на душе, и я попробую помочь тебе с этим справиться.

Тетя выжидающе улыбается, но я не могу произнести вслух того, что она не готова будет услышать.

– Сейчас. – Говорю я. Тянусь за сумкой, которую повесила на спинку стула, запускаю туда руку и достаю учебник. Открываю его. – Кто это с мамой? – Протягиваю ей фото. – Ты знаешь его?

Ингрид опускает взгляд на фото. Как бы она не старалась сохранять невозмутимое выражение лица, я замечаю, как падают уголки ее напряженных губ.

– Да. – Голос тети звучит глухо. – Я его *знаю*.

Возможно, мне мерещится, но опал на ее кольцо темнеет.

– Кто это? Мой отец?

– Это Асмунд Хельвин.

– Начальник полиции? – Уточняю я, силясь вспомнить имя отца Бьорна.

– Пастор. – Выдавливает Ингрид.

На ее щеках играют упрямые желваки.

– Моя мать была влюблена в него? Они встречались? Да?

Тетя застывает в нерешительности. Видно, что ей тяжело дается каждый вдох.

– Он проявлял интерес... ко многим. – Говорит она и сжимает челюсти так, что ее зубы едва не хрустят. – Ко мне в том числе. Мы с Асмундом встречались. Хоть и недолго. И если Карин забеременела именно от него, как я и подозревала, то нет ничего удивительного в том, что она не захотела поделиться с лучшей подругой тайной твоего рождения.

Вот почему парень с фотографии показался мне знакомым – это брат начальника полиции, и они очень похожи внешне. Если моя мать действительно путалась с парнем Ингрид, то она еще ужаснее, чем я думала о ней раньше.

Хотя, если это действительно окажется правдой, то все запутывается только сильнее. С одной стороны, понятно, зачем Карин понадобилась помощь в родах – она бы погибла, рожая дитя Хельвина. С другой – мы с Бьорном оказываемся родственниками, и именно его кровь удерживает на хлипкой цепи моего внутреннего демона!

«Не хочу, чтобы это оказалось правдой... Не хочу...»

– Мне жаль, что она так поступила с тобой. – Виновато говорю я. – Если это действительно так.

– В любом случае, это все в прошлом. – Ингрид отдает мне фото и натягивает на лицо улыбку. – Я уже давно забыла о нем. – Она встает, вытирает ладони о платье и задвигает стул. – Ешь, давай, а мне нужно пойти, закончить с геранью.

И спешно удаляется из кухни.

Чтобы не пустить слезу прямо при мне – полагаю.

Я кладу ложку на стол и роняю голову в ладони.

«Пусть все это окажется сном! Пусть!»

Нет, не хочу снов. Я вообще больше не буду спать, чтобы не причинить никому вреда. Спать нельзя. Нужно любым способом удерживаться ото сна.

Я провожу ладонями по лицу, бросаю взгляд на парня со снимка и на счастливое лицо своей матери, а затем прячу фотографию в учебник, встаю и иду заваривать себе крепкий черный кофе.

Надеюсь, поможет.

Глава 3

Чтобы не заснуть, нужно заменить кровать деревянной табуреткой. Мягкая постель настраивает на сон, а жесткое сиденье и неудобная поза – лучшие помощники в борьбе с ним.

Всю ночь я провожу, сидя на хлипкой табуретке, подкладывая под себя то одну, то другую ногу. Главное – оставаться в максимально неудобном вертикальном положении.

Просто так сидеть невозможно, поэтому через час я беру книгу. От нее глаза наливаются тяжестью и слезятся – ясно, чтение убаюкивает. Откладываю книгу, беру телефон: та же история. Отлично – значит, самое время заняться спортом.

Боясь, что звуки шагов разбудят тетю, я начинаю приседать и отжиматься. Быстро устаю. Заменяю упражнения активными махами, а затем вялыми подергиваниями.

Нужно что-то делать – так не уснешь.

Зеваю. Иду варить кофе. Пью.

Обдумываю возможность короткого сна: можно поставить будильник и подремать минут двадцать. Не убью же я кого-то за это время? А что, если убью? Нет уж. До рассвета всего три часа – это же почти ерунда. Главное – продержаться до утра, а поспать можно будет и после обеда: в это время никто из тех, о ком я собираюсь думать, обычно не спит.

А что, если Микке решит вздремнуть после уроков в своем гамаке?

Черт! Мало того, что его девушка заглядывается на другого, так она еще и вполне способна нанести ему ощутимый ущерб – и это при лучшем раскладе. А о худшем даже думать не хочу.

Выпив чашку кофе, я делаю себе бутерброд: пока челюсти заняты едой, организм не сможет перейти в фазу сна. Двигаюсь тихо, чтобы не разбудить тетю. Съедаю бутерброд и снова делаю зарядку. Открываю окно и выпускаю в кухню прохладный влажный воздух.

«Ух, бодрит!»

Надеваю наушники, включаю музыку и начинаю пританцовывать. «Весело!» Настроение определенно поднимается.

Непонятно, как из этого состояния я всего через час прихожу к тому, что уже полулежу на столе, отчаянно массируя пальцами уши, стараясь не расклеиться и не смежить веки.

Черт...

Черт!

Чем же еще взбодриться?

Иду в ванную и умываюсь ледяной водой. Супер!

Если проделывать все это по кругу в течение ночи, то можно вытерпеть и без сна.

Едва дождавшись первых рассветных лучей, я выбегаю на пробежку. Дыхание Реннвинда неровное – ветренное, с колкими нотками прохлады. Шикарно бодрит!

С трудом подавляя зевки, я оббегаю квартал. Притормаживаю только у церкви. Густо заросшая кустами и сорняком изгородь поблескивает мокрыми каплями, оставшимися от ночного дождя. Я подхожу ближе, чтобы посмотреть через нее на ухоженные ряды могил и матовые стекла здания, отражающие в себе утренние лучи.

Схожу с асфальта и вляпываюсь подошвами в раскисшую землю, но это меня не останавливает – то, что там, за изгородью, манит сильнее. Я стою, прислушиваясь к завыванию ветра, и мне все яснее кажется, что эти звуки похожи на стоны. Из церковного дворика густо пахнет травой и влажной почвой.

Я морщусь, едва мои пальцы касаются воды, скатившейся с листьев, увивших ограду. Стряхиваю капли, пячусь назад и решаю бежать дальше.

Несколько раз оборачиваюсь, гадая, как поступила бы, встретив тут сейчас Асмунда Хельвина. Наверное, мне стоит ненавидеть его, если он действительно мой отец. Возможно,

нужно даже отомстить ему. Но, несмотря на засевшее внутри меня зло, я все еще остаюсь человеком и не могу допустить даже мысли о том, что причиню кому-то намеренный вред.

В школе я первым делом отыскиваю Сару: она сидит на подоконнике, болтая ногами.

– Ох, объявилась! – Подруга спрыгивает вниз и заключает меня в объятия, но тут же отстраняется. – О! Паршиво выглядишь! Кокнула кого-то ночью?

– Потихе, пожалуйста. – Прошу, дергая ее за рукав.

– Точно, я и забыла: если бы ты кого-то кокнула, то сияла бы, как майская роза! Ты что, не спала? – Она бесцеремонно хватает меня за подбородок. – У-у-у, и глаза слезятся...

– Сара, пожалуйста. – Убираю от своего лица ее руку. – Ты веселишься, как будто вчера ничего не произошло!

– А что произошло-то? – Сара закатывает глаза. – То, что ты стерва, я и раньше знала! Зато, как хорошо – вот скажу я тебе: «Подумай про Улле», и завтра он проснется слегка помятый с красивыми отметинами на шее. Это если проснется! Разве не бесценный навык?

– Прекрати! – Отмахиваюсь.

Впервые за долгие часы мне становится легче.

– Черт, – цедит подруга, бросив взгляд мне за спину, – не оборачивайся. Стоит только вспомнить, и он тут как тут.

– Ты о ком? – Машинально поворачиваю голову.

Но Сара одергивает меня:

– Куда! – Выразительно распахивает глаза и переходит на заговорщический шепот. – Говорю же, не смотри.

И тут же сама резко отворачивается к зеркалу и принимается подкрашивать блеском губы.

Я стою неподвижно. Слышу, как приближаются мужские голоса. Осторожно поворачиваю голову и вижу Бьорна: он в компании Ульрика и еще нескольких парней. Они оживленно обсуждают вчерашнюю игру.

Заметив меня, Хельвин притормаживает. Когда мы встречаемся взглядами, он словно теряется на секунду. Я вижу, что ему хочется остановиться и поговорить со мной, и улыбаюсь – ведь мне тоже хочется пообщаться, но что-то заставляет его нахмурить светлые брови, отвести взгляд и продолжить путь.

Через мгновение я понимаю что именно: с другой стороны на меня налетает Микке.

– Куда ты пропала вчера после игры? – Парень обнимает меня за талию, и я едва не теряю равновесие, но в последний миг он меня удерживает. – Я тебе звонил, а ты не ответила.

– О, привет. – Неловко улыбаюсь я. Позволяю ему поцеловать меня, но в последний момент неуклюже уваливаю, и касание губами приходится куда-то в линию подбородка. (Все мои мысли сейчас роятся где-то возле Бьорна: видит ли он нас с Микке?) – У меня были дела. Неотложные. Мы с Сарой...

– Вызывали древнего демона заклинанием! – Присоединяется к разговору подруга. И заметив недоумение на лице моего парня, ухмыляется. – Шучу, конечно. Мы строили пирамиду из крышечек от газировки. Получилась почти до потолка! А потом вынимали по одной крышке снизу: такая игра – дженга. Слышал?

Микаэль смотрит на нее вопросительно.

– Сара – такая шут-ни-ца, – говорю я, одаривая ее укоряющим взглядом.

– Точно. – Хихикает она, даже не пытаясь улыбнуться, и закидывает в рот лакричную конфету. – Будешь? – Предлагает ему.

– Спасибо, нет. – Он возвращается к тому, что нравится ему больше всего: целует меня – теперь уже в губы и более властно.

Поцелуй, от которого не получается увильнуть, выходит волнующим и приятным, но я не могу не замечать того, что Сара внимательно смотрит на нас, и потому поскорее высвобождаюсь.

– Встретимся после занятий? – Стараюсь улыбаться непринужденно.

– Хорошо, конечно. – Кивает Микке. Судя по выражению его лица, он что-то подозревает. – Ты сегодня какая-то... не такая.

– Бессонница. – Брякаю я.

– Ладно. – За этими словами следует еще один поцелуй. – До встречи!

Микке неохотно отпускает меня, подмигивает и удаляется по коридору.

– Ох, вы ж сладкие голубки. – Хмыкает Сара, отворачиваясь к зеркалу. – По вашим поцелуям можно анатомию изучать: у Микке та-а-кой приткий язык...

– Говори прямо. – Вздыхаю я.

– Не хочу читать тебе нотаций. – Она деловито взбивает волосы.

– Да говори уже!

– Не узнаю себя сегодня. Лицо какое-то странное. Говорят, лицо человека перед смертью становится симметричным...

– Не переводи тему, Сара! Прошу тебя!

– Хорошо. – Она разворачивается ко мне лицом и разводит руками. – Просто пытаюсь представить: если бы тебя целовал Хельвин, ты бы тоже изображала мертвую рыбу?

– Что? Я? Кого?

– Да. – Сара открывает рот и закатывает глаза. – О, да, Микке, целуй меня, целуй, мне та-а-ак приятно, что сейчас усну!

– Да я просто не выпалась! – Пытаюсь оправдаться.

– Не ври старой цыганке, деточка. – Она крутит пальцем у моего носа.

– Все, мне пора на урок!

– У нас общее занятие – литература. – Усмехается Сара. – Тебе так просто от меня не отделаться, демонша!

– Эх...

И мы отправляемся в аудиторию.

Войдя, я обнаруживаю, что Хельвин тоже здесь. И Улле. И Лена, к сожалению.

– Боже, как мало тут воздуха, – рычит Сара, увлекая меня за собой на задний ряд.

Мы располагаемся, входит преподаватель, и начинается урок.

Я стараюсь не смотреть на Бьорна, но, то и дело, натываюсь взглядом на его спину. А когда вижу, что он собирается повернуться, отворачиваюсь в сторону и закрываюсь волосами. Имею ли я право смотреть на него после того, что было вчера? Мы стояли так близко, и я так смело касалась его тела...

Нет, у него есть девушка, а у меня – мой Микке.

Не стоит глазеть на Хельвина при всех.

Я упираю голову в ладонь и слушаю преподавателя. Литература это так скучно. Рисую пальцем круги на парте, наблюдая за тем, как Сара грызет кончик ручки, разглядываю учебные плакаты на стенах, зеваю и тру пальцами глаза. Что будет, если закрыть их, хотя бы, на мгновение?

Мне кажется, что я размышляю об этом, но, на самом деле, уже делаю. И погружаюсь в сон. *Три, два, один...*

Глава 4

Яркие краски сменяются серой пеленой, застилающей небо. Я поднимаю глаза и вдруг осознаю, что это не небо, а потолок. Высокий, каменный, с могучими сводами, исчерченными витиеватыми линиями, рисунками и мозаикой с завитками.

Вниз от сводов тянутся серые колонны. В стенных каменных нишах поблескивают гладкие изразцы, рядом с ними на высоких тумбах пылают десятки огоньков – свечи.

Я узнаю это место, и мне становится трудно дышать. В прошлый раз, когда я здесь оказалась, меня буквально парализовало – не было сил ни двинуться, ни вдохнуть воздуха. Вот и сейчас – снова это тягучее состояние бессилия, когда руки и ноги отказываются слушаться, а тело будто вязнет в болоте.

Поднимаю взгляд. Свечей тут бесчисленное множество: огоньки колышутся, точно на ветру. Передо мной – в самой широкой нише скромный алтарь, на нем – книга с пожелтевшими страницами. Над алтарем – люстра: свисает с потолка на длинной металлической цепи. На стене – массивный деревянный крест.

Внезапно приходит понимание: мне нельзя здесь быть. Это *церковь*. Снова раздаются знакомые звуки – жалобное завывание. Словно откуда-то из-под земли. А затем слышатся тяжелые шаги.

Мне хочется убежать, и я пытаюсь пятиться назад, но ступни словно прилипли к полу. Все мое существо во власти этого места, а тот, кто вот-вот появится из-за колонны – единственный, кто внушает мне страх и заставляет ощущать остроту момента. Единственный, с кем я ощущаю крепкую, незыблемую связь.

Сердце колотится сильнее и сильнее.

Из тени появляется фигура в светлом – священник. На нем торжественная белая альба с зеленой столой, в руке – священное писание. Заметив меня, он резко останавливается, его зрачки расширяются, и мы смотрим друг на друга, не дыша.

Но проходит всего мгновение прежде, чем мужчина берет себя в руки, делает резкий рывок в сторону, падает и достает что-то из тайника, вмонтированного в подиум алтаря.

Это клинок. Его блеск отражает дрожащее пламя десятков свечей. Священник поднимается и принимает угрожающую позу, показывая, что готов на все. Он делает резкий выпад, я вижу замах, и мое дыхание обрывается. Вижу ненависть в его голубых глазах, вижу его ярость, а затем сердце рушится в пятки, и...

– А-а-ах! – Просыпаюсь на вдохе.

И понимаю, что все смотрят на меня: учитель, ученики, Сара. Она инстинктивно отшатывается, ее лицо бледнеет, глаза наполнены ужасом.

В классе стоит тишина.

Я часто моргаю, чтобы прийти в себя. Провожу руками по лицу – оно покрыто мелкими, холодными каплями пота. Облизываю сухие губы и медленно выдыхаю. Сердце бьется, точно сумасшедшее.

– Что, Остлунд, приснился кошмар? – С усмешкой произносит Лена.

Секунда, и ее подружки, как по команде, начинают хохотать. Весь класс подхватывает их смех, и только Лотта остается сидеть неподвижно и смотрит на меня с изумлением.

И еще Бьорн. Он развернул корпус в мою сторону и, похоже, не на шутку встревожен. Может ли быть такое, что он догадался? Что увидел мою вторую сущность?

– Все в порядке, Линнея? – Спрашивает учитель без тени улыбки.

Но его голос тонет в хохоте моих одноклассников.

– Да, – отвечаю я, пытаюсь выровнять дыхание. – Все хорошо. – Опускаю взгляд. – Простите.

– Прошу всех успокоиться! – Призывает к тишине учитель.

Класс неохотно, но замолкает. Они отворачиваются, больше на меня никто не смотрит. Сара придвигается ближе.

– Все нормально, – ее пальцы сжимают мою ладонь, – дыши, просто дыши.

Я стираю капли пота с лица и шеи. Бьорн – последний, кто продолжает сверлить меня взглядом. «Как ты?» – спрашивает он глазами. Киваю: «Нормально». Он нехотя отворачивается.

– Что ты видела? – Шепчет Сара.

– Асмунда. – Едва слышно отвечаю я.

Мои губы дрожат.

– Он прикорнул, а ты явилась, чтобы свернуть ему шею? – Хмыкает она.

– Наоборот. – Перевожу дыхание и продолжаю. – Увидев меня, он схватил клинок и чуть в меня не всадил. Оказывается, в церкви я почти бессильна. И если бы не проснулась...

– Интересно. – Шепчет подруга.

– Повторять нет желания, но, видимо, меня тянет туда.

– Похоже, святой отец – реально твой папочка. – Хмыкает Сара.

Я снова смотрю на Бьорна, точнее, на его спину. «Это не может быть правдой. Не должно ею быть».

Когда звенит звонок с урока, я срываюсь с места едва ли не первой. Пробегаю меж рядов, зацепив Лену плечом.

– Прости.

Но все равно слышу в спину:

– Эй, ты что, совсем ослепла, придурочная?!

Мне нужно скрыться ото всех хотя бы минут на пять, нужно умыться, нужно побыть наедине с собой. Я опасна для общества, мне нельзя находиться здесь – среди людей. Не нужно видеть всех этих ребят, чтобы не думать о них. Чтобы не явиться к ним во сне.

– Нея! – Сара едва поспевает за мной.

– Что? – Не оборачиваясь.

– Да стой ты! – Просит она. – погоди! Давай поговорим!

Но в этот момент из-за колонны появляется тень, хватает меня за запястье и рывком увлекает за собой.

– Какого ч... – Я врезаюсь в грудь Бьорна.

Это он держит меня за руку.

– Поехали отсюда. – Шепчет он. – Сейчас.

– Что? Куда?

– Эй, убрал руки! – Рычит на кого-то Сара.

Я поворачиваюсь. Рядом с ней Улле. Подруга пятится от него, не позволяя приближаться.

– Убрал, я сказала!

– Хватит. – Холодно говорит им Бьорн. – Некогда препираться! Нам всем срочно нужно уйти отсюда и поговорить.

– Что случилось? – Спрашиваю я.

– Да куда я не пойду! – Упирается Сара. – Тем более, с ним. – Презрительно тычет пальцем в Улле.

– Значит, пойдешь со мной. – Хельвин отпускает меня и хватает ее. – Нам нужно спешить!

– Какого хр... – Подруга теряет дар речи от удивления.

Викинг бесцеремонно тащит ее к выходу. Мы с Улле, переглянувшись, бросаемся следом.

Покинув здание гимназии, Бьорн тащит Сару к стоянке. Открывает автомобиль и вталкивает ее на заднее сиденье.

– Ты – с ней. – Указывает он Ульрику.

– Да лучше я сдохну! – Морщится подруга, отодвигаясь, когда Улле садится рядом на заднее сидение.

– Ты и так скоро сдохнешь, если не будешь слушаться. – Говорит ей Хельвин и хлопает дверью. – Нея. – Открывает для меня пассажирскую дверцу.

Я настолько растеряна, что покорно сажусь. Бьорн обходит машину, садится на водительское сидение и заводит мотор.

– Что все это значит? – Требует ответа Сара.

Но он молчит. Улле тоже. Парни выглядят мрачнее тучи.

– Мне кто-нибудь скажет, нет?

Автомобиль срывается с места, и последнее, что я вижу, это лицо Лены Сандберг, стоящей на крыльце и провожающей нас взглядом. Кажется, она еще в большем шоке, чем Сара.

Глава 5

Бьорн напряжен, но ведет машину уверенно. Внедорожник жадно пожирает метры асфальтного покрытия и лишь на крутых поворотах слегка наклоняется, заставляя нас катиться по сидениям в попытке ухватиться за поручни и специальные ручки.

– Эй, можно полегче? – Возмущается подруга. – Ты человека похитил, а не гандбольный мяч!

Я вижу, как Хельвин, стараясь не раздражаться, шумно втягивает носом воздух и сжимает добела пальцы на руле.

– Почему тебе вечно нужно быть такой занозой? – Устало произносит Ульрик.

– А почему тебе так нравится быть козлом? – Парирует она. – Слушай, я же не учу тебя жить, правильно? Вот и ты ко мне не лезь!

– Неужели, ты не можешь потерпеть хотя бы несколько минут?

– Неужели, ты не можешь объяснить мне, какого черта здесь происходит? – Взрывается Сара, отсаживаясь от него так максимально далеко, насколько позволяет ширина сидения. – Мне не нужны проблемы в гимназии! Это вам, богатеньким папенькиным сынкам позволяет все, что угодно в этом заведении, а «грязным каале», знаешь ли, приходится соблюдать всякие правила, чтобы их не пнули под зад!

– Опять ты за свое! – Бросает Улле, отворачиваясь.

– Пожалуйста... – Прошу их я.

Автомобиль влетает в новый поворот, и Бьорн, будто специально, даже не пытается смягчить маневр – вероятно, чтоб отрезвить нас. И мы снова, подчиняясь законам физики, отклоняемся то в одну сторону, то в другую, и пытаемся ухватиться за поручни, съезжая по гладким кожаным сидениям.

– Господи, да я никогда ничего не говорил о твоём происхождении, Сара! – Ульрик снова бросается в спор, как в бой. – Мне вообще не важно, кто ты и откуда! Никогда не было важно!

– О, прекрасно! – Натужно хохочет Сара. – Наверное, именно поэтому ты и отворачивался от меня каждый раз, когда мы сталкивались в коридоре этой гребаной школы? Чтобы не позориться перед своими друзьями – чванливыми отпрысками местной знати!

Я покашливаю, напоминая, что некоторые из тех, кого она имеет в виду, сейчас находятся в салоне машины.

– Я не... все совсем не так! – Воскликает Улле.

– Ребята... – стону я, замечая, что Хельвин, тяжело дыша, все сильнее топит педаль газа.

– Конечно, все не так! – Подруга держится за ручку двери, словно за спасательный круг, чтобы на следующем повороте не скользнуть по сидению в сторону Улле. – Почему же ты не поделился с друзьями своим грязным секретом?

– Я думал, *ты* этого не хочешь. – Ульрик перестает сопротивляться и отпускает поручень.

– Ха-ха! – Гавкает на него Сара и отворачивается.

Я смотрю на них через плечо. Меня уже мутит от этой тряски. Если они не прекратят, Бьорн психанет до такой степени, что угробит всех нас прямо в этой машине.

– Или мне нужно было похвастаться перед всей командой, что у нас с тобой был секс? – Улле нервно хватается за голову и взъерошивает волосы. – Ты же сама не хотела отношений!

– А ты спрашивал? – Не глядя на него, бросает Сара.

Ее голос впервые похож на обиженный писк.

– Да ты даже поговорить со мной об этом не хочешь, как я мог тебя спросить? – Парень резко бьет по спинке моего сидения, и этот удар ощутимым толчком отдается мне в плечо. «Эй, а мне-то за что?» – Посмотри на себя! Ты же психованная! Мы вообще с тобой не разго-

вариваем! Никогда! Я не знаю, что тебе можно сказать, а что нельзя, чтобы не обидеть! Если мы разговариваем, то только ругаемся!

Сара выплевывает в него какие-то ругательства – очевидно, на цыганском. А затем толкает парня рукой в грудь и раздражается тирадой:

– То Элла, то Шарлотта, то еще какая-нибудь курица! Ты серьезно хотел, чтобы я говорила с тобой об отношениях?!

Толкает его еще раз и добавляет еще пару фраз на языке каале.

– Не было никаких куриц, и я никогда тебя не избегал, – едва слышно выдыхает Ульрик. А затем моему креслу достается еще один удар от него.

– Да ты облапал их всех, – отмахивается Сара.

– Неправда!

– Правда!

– Пожалуйста... – Прошу я.

Воздух в салоне раскаляется настолько, что стоит только чиркнуть спичкой, и машина взлетит на воздух.

– Лучше просто заткнись, Ульрик. – Подруга бросает на парня испепеляющий взгляд. – Я не хочу разговаривать с тобой ни о чем!

– А чего ты хочешь? Просто дай мне понять. – Он разводит руками. – Хочешь, чтобы я при всех сказал, что люблю тебя? Да пожалуйста! Я скажу! Только если это действительно то, чего *ты* хочешь!

– Ты меня что..? – Теряется она.

– Хватит! – Разрывает салон голос Бьорна.

Одновременно он бьет по тормозам, и мы все по инерции сначала всем телом подаемся вперед, а затем падаем назад.

Автомобиль стоит посреди дороги.

Мы все молчим и смотрим на Хельвина.

Он сидит, впившись руками в руль, и тяжело дыша. Рулю не позавидуешь – я так и вижу, как он вот-вот сомнется в бараний рог в его пальцах. Тишина захватывает салон автомобиля, и мы все боимся заговорить первыми.

Смешно. Ситуация напряженная и даже опасная. В моей крови бурлит адреналин, но все, о чем я сейчас могу думать, так это то, что Бьорн притягивает меня еще сильнее, когда злится. В такие моменты он просто гремучая смесь из мужской привлекательности и необузданной силы.

– Хватит. – Повторяет он уже спокойнее. А затем оборачивается к ним. – Ты, – указывает на Улле, – тупица, который не может достойно относиться к своей девушке. Идиот, которому нужны какие-то разговоры, чтобы понять, чего он хочет. – Сара хмыкает, и Бьорн переводит взгляд на нее. – А ты... – Девушка сглатывает, и Хельвин разочарованно хмурится. – Ты плюешься словами, точно из пулемета, но ничего толкового никогда не говоришь. Иногда полезно просто помолчать и послушать!

– Правильно, ты чересчур импульсивна. – Бросает ей Ульрик.

– У меня такой темперамент. – Рычит Сара. – А ты реально идиот.

– Заткнитесь оба! – Рявкает на них Бьорн.

И эти двое, как по команде, замолкают.

– Хотите честно? – Хельвин оглядывает их обоих по очереди. – Мне глубоко насрать, что там между вами творится. Разбираться в этом сейчас нет ни времени, ни смысла.

– Вот именно. – Крякает Улле.

И поймав грозный взгляд товарища, втягивает голову в шею.

– Скажи ей. – Просит Бьорн.

– О чем? – Сара выпрямляется.

– О том, почему ты здесь.

Девушка смотрит на каждого из них по очереди, а затем останавливается на Ульрике. Шатен вновь взъерошивает волосы и прочищает горло.

– Дело в том, что... э-э... – Он вытягивает руки. Наверняка, этот жест должен означать попытку заранее успокоить Сару. – Тебе грозит опасность. Это очень серьезно, но не волнуйся.

– Опасность? Мне? – Ее глаза округляются.

– Бьорн... он... видит кое-что.

– Что? – Она уставляется на Хельвина.

Нам сигналил какая-то машина, ведь ей приходится объезжать препятствие на дороге, но Бьорн не удостаивает водителя даже полувзглядом. Его взор устремлен на мою подругу.

– Утром я думал, что мне показалось, но теперь вижу отчетливо. Над тобой витают предвестники смерти, Сара. И их с каждым часом становится все больше: значит, это скоро произойдет.

– Предвестники *смерти*? – Бледнеет девушка.

– Бодекхи. – Кивает он. – Такие же сопровождали Стину и Эллу перед гибелью. Я пытался предупредить каждую из них, но напрасно. Предотвратить смерть почти невозможно: если они пришли за тобой, значит, точно знают, что скоро наступит твой час.

– То есть... – Сара бросает на меня беспокойный взгляд. – То есть, они и сейчас со мной? В смысле, надо мной? Или где они?

Она начинает ерзать на сидении и нервно чесать кожу прямо через школьную форму.

Бьорн тоже перекидывается со мной взглядом. «Мне очень жаль» – говорят его глаза.

– Один вот тут. – Он указывает на ее левое плечо. – Мелкий, похож на головастика из клубов пара. Другой здесь, – смотрит куда-то на потолок, – его почти не видно, он над крышей машины, но в школе я разглядел его хорошо. Здоровый такой, как безногий старик, слепленный из густого дыма. А тут, – глядит на ее правое плечо, – начинает проявляться третий. Прости.

– Но как...

– Они будут ходить за тобой по пятам до самого конца, ожидая, когда можно будет забрать и унести твою душу в глубинные слои материи. Чем ближе к смерти, тем четче будут становиться их очертания. Перед самой гибелью человека фигуры бодекхов почти так же осязаемы, как, например, большой шар сахарной ваты. Ну... для меня. Для того, кто может их видеть.

Сара больше не задает вопросов. Она хватается ртом воздух и боится пошевелиться. Девушка старается почувствовать их присутствие рядом. Боится, но очень хочет. Просто, чтобы убедиться, что Бьорн не врет.

А вот я и так верю.

И, похоже, Ульрик тоже – на парне лица нет.

– Что нам теперь делать? – Тихо спрашивает он у друга. – Спрятать ее? Попытаться защитить? Что? Мы же не можем просто так сидеть и ждать, верно? Я... не могу допустить того, чтобы она...

Он берет Сару за руку, и девушка впервые не одергивает руку. Подруга настолько ошарашена, что не может сопротивляться.

– Мы отвезем ее в безопасное место. – Говорит Бьорн. – И сделаем все, чтобы первыми найти того, кто убивает девушек в лесу. – Он оглядывает нас всех по очереди. – Мы убьем его до того, как он доберется до Сары.

Глава 6

– Туда. – Указываю я.

– Мы там проедем, вообще? – Спрашивает Бьорн, когда машина съезжает с асфальта на узкую дорожку, тянущуюся меж высоких елей.

– Должны. – Прикидываю я. – Путь немного зарос кустарником и травой, но когда-то там была полноценная дорога. Пока не выселили саамов, и она не пришла в запустение.

Внедорожник подминает под себя густую растительность, а я открываю окно, чтобы глотнуть хвойного концентрата, в который превратился здешний влажный воздух.

– Может, лучше пойти пешком? – Улле обнимает Сару за плечи, чтобы та не дрожала.

– Через лес? – хмыкаю я.

Меня не оставляет ощущение, что где-то за одним из темных стволов притаилась смерть и с интересом наблюдает за нами.

– Отсюда и так придется идти на своих двоих. – Заключает Хельвин, едва его автомобиль выезжает из-за деревьев на открытую местность перед взгорьем.

– Да, иначе можешь пробить колесо или въехать в одну из каменных глыб, поросших дикими ирисами и земляникой. – Раздается голос Сары.

Машина тормозит возле одной из развалин, что была когда-то хозяйственной постройкой, и мы все спешно выбираемся наружу.

– Что это? Ты живешь здесь? – Ульрик выглядит слегка ошарашенным. – Seriously?

Он вертит головой из стороны в сторону, не веря глазам. Оказавшись здесь впервые, я, кажется, реагировала подобным же образом.

– Да, – бросает в него гордый взгляд Сара, – вон там мой навороченный таунхаус, там – двухэтажная парковка, а там – наш бассейн и коктейльный бар!

Она подбирает в руки подол школьной юбки и бросается в сторону дома по высокой траве. Метнув в друга осуждающий взгляд, Бьорн спешит за ней – девушку теперь ни на секунду нельзя оставлять одну.

Несмотря на облачность, повсюду стрекочут цикады. Я обхожу заросли прострела широколистного, которого по иронии судьбы зовут сон-травой, ступаю на узкую тропинку и замечаю, что мои школьные оксфорды уже порядочно запылились.

– Ты тоже считаешь меня говнюком? – Обогнув кусты с другой стороны, ко мне на тропинку шагает Улле.

Я поднимаю на него взгляд.

– Ну... Ты не особо мне нравишься, скажем так.

Обхожу его, отряхиваю подол юбки от пыли и бросаюсь вдогонку за Сарой и Бьорном.

– И когда я успел стать таким уродом? – Вздыхает парень.

Очевидно, этот его вопрос обращен к себе самому.

– Я просто не люблю тех, кто огорчает моих близких людей. – Сухо поясняю я.

– Так Сара огорчается из-за меня? – Ульрик старается не отставать.

– Я видела, как она плакала. – Говорю через плечо. – Возможно, вам стоит держаться друг от друга подальше. Ты... не подходишь ей.

– Почему? – Едва не запинается он. – Черт подери местные буераки! Мои кроссовки!

– Вот поэтому. – Хмыкаю я, оборачиваясь. – Ты для нее всегда останешься чистюлей из богатого района, а она для тебя – девушкой из трейлера. Разве нет?

– Да я вообще не такой! – Морщится Улле, обгоняя меня. – Вы что, с ней сговорились?

Но, похоже, он и сам себе не верит: его выдает смущенный взгляд, который он бросает на жилище своей девушки, остановившись и почесав затылок.

– В любом случае, нам нужно сейчас думать о том, как ее спасти. – Замечаю я. – А не о твоих загаженных кроссовках.

Парень перехватывает мой взгляд и видит, что стоит прямо в середине грязной лужи.

– Твою же мать...

– Поторопись, – машу ему рукой и ускоряю шаг.

Через минуту мы вчетвером уже стоим посреди кучи хлама и сломанной мебели, раскиданной перед трейлером.

– Разве это не скамейка из парка? – Хмурится Бьорн.

– Забудь, что ты сын полицейского, – говорю я, – и представь, что она просто похожа на скамью из парка.

– Ладно, мне-то какое дело. – Усмехается он.

– Твой отец бывал здесь не раз. – Говорит ему Сара. – Мама сказала, что скамейка пришла сюда сама, и этот ответ его удовлетворил.

Даже в момент острой опасности она не может не язвить.

– Ну, что идем? – Кивает Бьорн на трейлер.

Сара косится на Ульрика, который брезгливо отряхивает школьные брюки от налипшей на них паутины.

– Конечно.

И в следующий момент дверь распаивается: на пороге появляется Анна. На цыганке вместо привычных мятых шаровар строгие узкие брюки и желтая блуза с вышивкой, но что в ее образе остается неизменным, так это сигарета: выдохнув дым, женщина отшвыривает окурочек в сторону и оглядывает нас с недовольством.

– Почему не в школе? – Гремит ее голос, едва взгляд натывается на дочь.

– Кое-что произошло, мама. – Отвечает Сара.

Мы выстраиваемся перед Анной в шеренгу, чувствуя себя сопливыми детьми. Даже могучий Бьорн, выказывая уважение к оракулу, смиренно опускает глаза. Это что-то новенькое – я никогда не видела его таким... почтительным.

– Хм... – Цыганка оглядывает нас по очереди, затем ее взгляд возвращается на Сару. – Хм... Быстро в дом! Все!

Она распаивает дверь шире, ныряет в трейлер, и мы, пропустив Сару вперед, бросаемся следом.

– Теперь понятно, зачем меня потянуло к картам. – Бурчит под нос Анна, подходя к столику, на котором рядом с красной шкатулкой разложены Таро, и молниеносно собирает их.

Ульрик входит последним и закрывает за нами дверь. Он с интересом оглядывает помещение, внимательно изучает ковры, пледы, амулеты, развешанные над потолком, и пепельницу, полную окурочков.

– Ты. – Цыганка подходит к Бьорну. – Выбери одну.

Звеня браслетами, протягивает ему колоду.

Хельвин не задает вопросов. Медленно потянув носом воздух, наполненный ароматами благовоний, он расправляет плечи и тянет карту. Затем переворачивает ее и предъявляет Анне, словно удостоверение личности.

«Воин» – начертано на ней.

Я успеваю заметить рыцаря в доспехах и с мечом прежде, чем карта ныряет обратно в колоду.

– Хельвин, – догадывается Анна, глядя на него снизу вверх. – Кто же еще. – Бормочет она, пробегая глазами по его статной фигуре и мощным плечам.

Бьорн с почтением ей кивает.

– Твоя очередь. – Мрачнеет женщина, обращаясь к переминающемуся с ноги на ногу Ульрику.

Протягивает ему карты.

– Я должен выбрать? – Прокашливается парень.

– Не тупи. – Рычит на него Сара.

– Ну, ладно. – Улыбнувшись, он пожимает плечами. – Раз такое правило... Вообще-то, я мог бы представиться и сам.

– Тяни. – Басит Анна.

– Хорошо-хорошо. – Лицо Ульрика становится серьезным.

Он тянет карту и медленно переворачивает.

Сара, увидев картинку, моментально краснеет, Бьорн тактично прочищает горло и бросает короткий взгляд на друга, а Улле, стусевавшись, возносит взор к потолку – будто именно там описано толкование этой карты.

– Что там? – Интересуюсь я.

Мне видна только рубашка, поэтому я встаю на цыпочки, чтобы увидеть лицо карты. «Любовники» – красуется надпись на обороте, а над ней красочно слились в страстном поцелуе мужчина и женщина.

– Значит, это *ты*. – Презрительно морщится цыганка, разглядывая Улле.

– Ульрик Олофссон, – примирительно тянет руку для рукопожатия парень ее дочери. –

Очень приятно.

Но его вежливая улыбка быстро тает, натолкнувшись на холодный, точно айсберг, взгляд. Цыганка не собирается жать его ладонь.

– Ну, и что ты в нем нашла? – Анна бросает на дочь усталый, разочарованный взгляд.

– Сама не знаю. – Вздыхает Сара, косясь на избранника.

– Смазливый. – Говорит, будто сплевывает неприятную табачную горечь, цыганка.

– Э-э... – Тянет Ульрик, пытаясь вмешаться в их разговор.

– Хвастливый. – Не глядя на него, добавляет Анна.

– Знаю, мам... – Тербит браслеты на запястье Сара.

– И трусливый. – Отчеканивает ее мать.

– Эй, я вообще-то еще здесь! – Напоминает Улле.

– Помолчи! – Рывкают они на него одновременно.

И так же одновременно поднимают вверх указательные пальцы, заставляя парня замолчать.

Глава 7

– Хорошо, давайте по порядку. – Просит Анна, усаживаясь на стул.

Мы вчетвером с трудом втискиваем свои задницы на узкий диван – рассаживаемся перед цыганкой, точно школьники перед директором в приемной. Бьорн сидит рядом со мной, и наши плечи плотно соприкасаются. Я ощущаю идущее от него тепло, и это единственное, что придает мне сейчас спокойствия и хоть какой-то уверенности.

– Предвестники смерти, я их вижу. – Говорит он. Его пальцы медленно сжимаются в кулаки и медленно разжимаются. Хельвин взвинчен до предела, но пытается держать себя в руках. – Они витают над Сарой, чувствуют, что скоро придет час забрать ее, и ждут.

– Бодекхи?

– Да, я видел их сначала над Стиной, затем над Эллой, но, разумеется, ни одна из девушек не поверила мне, что ей грозит опасность. Рассказать напрямую о своих способностях я им не мог, – парень сжимает пальцы добела, – хотел защитить, но тоже не вышло. Что-то или кто-то заманивает их в лес. Какое-то колдовство.

– Ты видишь предвестников смерти? – Анна нервно прокручивает круглую золотую серьгу в мочке уха.

– У некоторых дхампири в здешних землях проявляются особые способности. У моего отца это повышенная регенерация тканей, у дяди – ментальный дар убеждения.

– Понятно, почему в Реннвинде жители исправно посещают воскресные службы. – Держит бровью цыганка.

Я вижу, как уголки губ Бьорна приподнимаются в легкой улыбке.

– Иногда я вижу призраков. – Произносит он. – Время от времени они даже пытаются общаться со мной. В основном, это неупокоенные души, ищущие прибежища или справедливости. А вот бодекхов я начал видеть не так давно: они – энергия другого уровня. Но, насколько могу судить, ваша дочь в большой опасности. Их оболочки становятся все плотнее, а, значит, ее смертный час уже близится.

– Я думала, вы поможете нам разобраться в том, кто убивает девушек. – Встречаю я в разговор, обращаясь к Анне. – Предложила Бьорну объединить усилия в этом направлении, но мы никак не ожидали, что именно Сара окажется следующей. Это ведь связано именно с тем монстром из леса? Она – его новая жертва, да?

– Было предупреждение. – Анна переводит тяжелый взгляд на дочь. – Мы помешали кому-то, и этот кто-то очень не хотел, чтобы мы искали его.

– О чем вы? – Бьорну все труднее усидеть на месте.

– Кто-то переломал нашему коту все кости, выпотрошил его и бросил у порога.

– Красноречиво. – Хмурится Ульрик. И перехватив взгляд цыганки, покашливает. – В смысле, ужасно. Но смысл послания ясен. – Он вытирает потные ладони о брюки и разводит руками. – И что нам делать сейчас? Ведь очевидно же, что Саре нельзя выходить из дома одной, мы должны ее защитить.

– Да ты мозговитый. – Безэмоционально произносит Анна.

– Спасибо. – Улыбается парень, но через секунду его улыбка меркнет. – А, это был сарказм?.. Хм, ну, ясно. Ага.

Цыганка качает головой и укоряющее глядит на дочь.

«Что поделаешь», – одними глазами отвечает Сара и опускает взгляд.

– Нужно выяснить, откуда исходит опасность, и нанести упреждающий удар. – Вступает Бьорн.

– Да. – Кивает Анна. Она задумчиво потирает ладони. – Опасность может исходить откуда угодно...

Женщина бросает на меня вопросительный взгляд, под которым я моментально съеживаюсь. Цыганка будто спрашивает: «Ты рассказала ему?»

«Нет» – сглатываю я.

А ведь мой внутренний демон тоже может стать причиной смерти Сары.

– Хорошо. – Анна встает. – Я сейчас.

Она выходит из трейлера, и Улле, шумно выдохнув, принимается дергать себя за ворот рубашки, чтобы пустить под ткань немного воздуха. Бедный парень вспотел от напряжения.

– А я думал, это у тебя крутой нрав, – бормочет он, косясь на Сару. – У вас так принято: сразу говорить людям, если они вам не нравятся?

– Ты можешь не думать о себе хотя бы пять минут? – Стонет девушка. – Я скоро умру, а тебя беспокоит чье-то мнение?

– Да я пытался понравиться твоей матери, а она... сразу в штыки!

– А ты не пробовал помолчать? – Хмыкает Сара. – Глядишь, сошел бы за умного.

Хельвин так шумно выдыхает, что эти двое тут же притихают и прикусывают языки.

Он встает, подходит к крошечному окошечку, занавешенному красным шелковым платком с узорами и с интересом разглядывает местность: кусты, деревья, развалины старых домов, по которым пляшут редкие солнечные лучики.

– Это уединенное место мало похоже на крепость. – Говорит парень. – Саре нужна защита.

– И ты каждый день ходишь отсюда в школу пешком? – Улле поворачивается к Саре. – Одна?

– У меня нет личного водителя. – Девушка пожимает плечами.

Скрипит дверь, и мы поворачиваемся на звук. Это вернулась Анна, в ее руках холщовый мешочек.

– Нужно убрать все со стола. – Командует женщина.

Сара, зная нрав матери, подрывается первой, я – следом. Мы хватаем посуду и книги и составляем их на полки. Ульрик, сообразив, что за расторопность тоже может заработать пару очков, хватает со стола тяжелую швейную машинку и относит к дальней стене.

– Ты все равно мне не нравишься, – буркает Анна, наблюдая за тем, как парень деловито отряхивает руки.

– Я никому не нравлюсь с первого взгляда. – Парирует он, широко улыбнувшись ей. – Даже Саре пришлось сначала приглядеться ко мне.

– А у нее с детства проблемы со зрением. – Уголками губ вниз «улыбается» ему Анна.

Она поправляет столик и вываливает на него золу из мешочка.

– Что это? – Склоняется над столом Бьорн, глядя в крохотные темные пылинки.

– Это наш кот. – Бросает цыганка без тени смущения. – Повезло, что не успели развеять его прах над долиной.

Я вижу, как Улле брезгливо морщится, а вот на лице Хельвина не дергается ни единый мускул.

– Мне точно придется сделать это? – Уточняет Сара.

– Я же должна знать, что угрожает моей дочери. – Кивает на кучку изгари цыганка.

Девушка вздыхает. Там, посреди золы и пепла, видны костные остатки животного. Закусив губу, Сара делает шаг и решительно опускает ладони в черную пыль. Давит, чтобы лучше отпечаталось, и отходит на шаг назад, а затем переворачивает руки.

Мать хватает ее за запястья и притягивает к себе. Она наклоняется ниже и впивается взглядом в рисунки на руках. Ведет глазами по черным пятнам и линиям, повторяющим кожные рельефы ладоней дочери.

Сара почти не дышит, боится смотреть на свои руки – глядит в потолок.

– Ну, что там? – Не выдерживает Ульрик.

– Тс-с! – Цыкает на него цыганка.

Он рычит, отходя в сторону.

Мне тоже любопытно, но, сколько я не смотрю на грязные темные разводы на ладонях Сары, они остаются лишь грязными темными разводами.

– Мне нужно время подумать. – Наконец, изрекает Анна.

Отпускает руки дочери, уходит за ширму и начинает греметь ящиками шкафа.

– Что это значит? – Шепчет Улле, приближаясь к своей девушке.

Сара медленно опускает взгляд на дрожащие ладони.

Я притопываю, дожидаясь ее ответа. И только Бьорн из всех нас более терпелив: наверное, просто привык к тому, что ярость и нервное возбуждение лишь провоцируют его трансформации в неукротимого зверя.

– Я не представляю, что это значит. – Хмурится Сара. Затем разворачивает одну из ладоней пальцами вниз настолько, насколько позволяет ей ее строение тела, и бледнеет. – А вот это... это похоже на... это еда для мертвеца.

– Нужно покормить мертвеца? – Склоняется через ее плечо Ульрик.

– Нет. Это значит, *я – его еда*... – Отрывисто говорит она и, пошатнувшись, стирает пепел со своих рук прямо о свою белую школьную блузу.

Глава 8

Проходит несколько часов – все мы измотаны ожиданием.

Улле перебирает сувенирные фигурки на полке книжного шкафа, Бьорн, сидя на диване, гипнотизирует взглядом пространство над головой Сары, а мы с подругой расположились напротив него за столом и пьем горький черный кофе в надежде, что он поможет нам взбодриться, (а конкретно мне – не уснуть).

– Их стало больше? – Интересуется Сара у Хельвина, намекая на бодекхов.

– Они стали... четче. – Честно отвечает парень.

Его глаза блестят, когда он переводит взгляд на меня. Так красиво блестят и так ярко светятся, что у меня ускоряется пульс.

– Понятно. – Ежится Сара.

Я кладу свою ладонь на ее. Мне очень трудно отвернуться и не смотреть на Бьорна, но, к сожалению, приходится: нельзя же пялиться на него без остановки?

– Все будет хорошо. – Говорю я. – Сейчас твоя мама что-нибудь придумает.

– Она зарылась в блокноте с бабушкиными записями. – Качает головой подруга. – Не представляю, что она собирается в них отыскать.

– Можно? – Ульрик подцепляет с кухонного стола тарелку с пирогом.

– Угу. – Кивает Сара. И наклоняется ко мне. – Мне выпало стать едой для какой-то нежити, а этот малый – единственный, кому эта новость не отбила аппетит.

Услышав ее, Бьорн усмехается и запускает пальцы в свои светлые волосы. Проведя по ним руками, он устало откидывается на спинку дивана и закрывает глаза. Закладывает мощные руки за голову и вытягивает ноги.

«Ему так идет форма гимназии», – думаю я.

– Понимаю, почему ты выбрала именно этого. – Шепчет подруга.

Я пихаю ее в бок и вижу, как губы Бьорна разъезжаются в едва заметной улыбке. Он опять все слышал!

– Надо же, а это вкусно! – Слышится из-за кухонной перегородки.

Похоже, Ульрику пришелся по вкусу пирог Анны.

Несмотря на волнение и напряжение, я прыскаю со смеху, а Сара лишь качает головой. Она берет мою руку, переворачивает и долго смотрит на ладонь.

– Что? Что ты видишь? – Спрашиваю я.

Подруга пожимает плечами.

– Если ты думаешь, что мне передались хоть какие-то способности моей матери, то лично я в этом очень сомневаюсь.

– Но что-то ты все равно там видишь? – Не отстаю я.

Она проводит пальцами по гладкой внутренней поверхности моей ладони, и мне становится щекотно. Я инстинктивно сжимаю руку, и пальцы Сары остаются в моем кулаке.

– Тот, кто олицетворяет жизнь, несет с собой смерть. – Говорит она шепотом, искоса поглядывая на Бьорна. – А тот, кто носит в себе смерть, – поднимает на меня взгляд, – может даровать и жизнь.

– Как-то уж очень расплывчато, – шепчу я, – а можно конкретнее?

– Мертвая птица! – Голос Анны разрывает воцарившуюся в помещении тишину.

Ульрик чуть не давится пирогом от неожиданности, а Бьорн открывает глаза и выпрямляется.

– Фто? – Кашляет Олофссон.

– Приятного аппетита. – Цедит цыганка, заметив в руках парня остатки своей стряпни. Она подходит к столу. – Мне нужна мертвая птица для ритуала.

– И где ее взять? – Сара отодвигает от себя чашку с кофе.

– Ее нужно изловить в лесу, где была убита последняя девушка, и доставить ко мне живой. – Анна обращает взор на Хельвина, и тот, как по команде, поднимается с дивана. – Ты сделаешь это. – Кивает она ему, давая понять, что тот все понял правильно. – У тебя получится.

– Вы убьете *птицу*? – Едва не роняет пирог Ульрик. И наткнувшись на усталый взгляд цыганки, тут же стряхивает крошки с губ, нацепляет на лицо серьезное выражение и откладывает пирог обратно на тарелку. – В смысле, вы сказали «мертвую» птицу – значит, собрались ее... «того»?

– Какой смысленый. – Умиляется Анна. И ее взгляд тут же теряет легкомысленные нотки. – И еще мне понадобятся вещи последней покойницы и земля с ее могилы.

– Я смог бы достать вещи. – В надежде реабилитироваться вызывается Улле. Он вытирает руки о цветастое полотенце и подходит к нам. – Приду домой к Элле, принесу соболезнования родителям, узнаю, как они там держатся. Нужно ведь выкрасть вещь, я правильно понимаю?

Анна переглядывается с дочерью, а затем награждает его снисходительным взглядом.

– Если для тебя это быстрее, чем попросить, то валяй.

Похоже, в Улле гораздо больше цыганского, чем мы предполагали.

– А я могу сходить за могильной землей! – Поднимает руку Сара.

– Нет! – Вдруг дружно восклицаем мы.

– В смысле... тебе лучше остаться со мной. – Примирительно говорит ее мать, и кладет ей руки на плечи. – Так ведь, ребята?

– Да! – Подхватываю я. – Землю с могилы Эллы добыть мне вполне под силу, а вот тебе, Сара, лучше посидеть дома с мамой. Это безопаснее.

– Так не пойдет. – Вырывается Сара. – Вы что, хотите, чтобы я тут сидела без дела? Чтобы извелась, ожидая, пока вы притащите сюда свои задницы?

– Мы разделимся. – Говорю я. – Каждый из нас добудет нужную для ритуала вещь – так будет быстрее! Тебе не придется долго ждать.

– Нет, я не согласна. – Сара упирает руки в бока. – Почему я не могу пойти с кем-то из вас?

– Тихо! – Обрывает ее жестом Бьорн. Он подходит к Анне. – Вы не сказали самого главного: в чем будет заключаться ритуал?

– Для тебя в нем не будет ничего необычного. – Сообщает женщина. – Мы вызовем дух Эллы и попросим ее показать тебе путь к тому месту, где обитает убийца.

– В прошлый раз она исчезла, так и не показав мне его. – Насупливается парень. – И больше на контакт не выходила.

– Для этого и нужна птица. – Поясняет цыганка, глядя на него снизу вверх. – Я знаю, как заставить покойницу нам помогать.

– Мама, это лишит тебя сил! – Возмущенно вспыхивает Сара.

– Если ритуал поможет спасти мою дочь, это наименьшая цена. – Решительно отвечает Анна и берет дочь за руку.

– Тогда нам нужно спешить. – Говорит Бьорн, бросая взгляд на наручные часы.

Он подхватывает с дивана свою сумку и кивает нам с Улле.

– Спасибо за пирог! – Салютует Ульрик Анне. – И за теплый прием!

– Умоляю... – Закатывает глаза женщина.

Парни выходят на улицу.

– Мама! – До Сары, наконец, доходит, почему пальцы матери так крепко сжались на ее ладони – чтобы не отпускать ее от себя.

– Ты остаешься здесь. – Строго произносит женщина.

– Но мам!

– Поторопитесь! – Бросает Анна нам вслед.

Махнув Саре, я виновато отворачиваюсь и выхожу из трейлера. Тут же за моей спиной щелкает замок. Подруга в безопасности.

– Как ты собираешься поймать птицу? – Спрашивает Улле, вышагивая по тропинке за Бьорном. – У тебя есть ружье?

– Ружьем птицу не ловят. – Напоминает ему Хельвин.

Я едва успеваю за ними.

– Точно! – Бьет себя по лбу Ульрик. – А чем ты ее оглушишь?

– Не твоя забота. – Бросает через плечо парень. – Я выброшу тебя у дома Эллы, твоя задача – подняться к ней в комнату и умыкнуть какую-нибудь важную личную вещь девчонки. Да так, чтобы ее родители не заметили и не позвонили в полицию, понял?

– Да я – виртуоз! Даже не переживай! – Улле перепрыгивает через заросли ирисов. – Так что насчет птицы? Тебе нужна помощь? Я мог бы помочь тебе загнать ее в ловушку! В сачок, например!

– Это птица, Ульрик. Ее не нужно куда загонять. Нужно просто быть ловким, тихим и осторожным.

– О, этого ты и не умеешь! – Парень оборачивается ко мне. – Нея, ты видела Бьорна в деле? Ну, имею в виду, когда он несется по лесу, мигая своими стробоскопами? Видала? Видала, да?

– Ага.

– Это нечто, правда? – Глаза Ульрика загораются восхищением. – Я бы все отдал, чтобы тоже заполучить такую силу! Но мне не светит. Ха, прикольно, да? У него светит, а мне не светит! Как это называется? Метафора? Удачная метафора вышла!

– Тебя от волнения словесный понос разнес. – Хельвин останавливается, чтобы постучать двоюродному брату по плечу. – Успокойся, дружище. Выдохни и снова вдохни. Вот так, молодец. – Он обнимает его и отпускает. – Спасем мы твою Сару, только нужно, чтобы ты собрался.

– Я – да. – Кивает Ульрик, тяжело дыша. – Я уже все. Вот он, я. – Стряхивает с себя остатки волнения и, точно боксер, встает в стойку и держит кулаки наготове. – В полном порядке!

– Он в ужасе. – Шепчет Хельвин, едва Улле отходит от нас на метр. – И в шоке.

Я ловлю его взгляд. Мне нравится переглядываться с Бьорном: в такие моменты наша странная невидимая связь становится только крепче.

– А ты как? – Его тяжелая ладонь ложится на мое плечо.

От этого прикосновения меня бьет разрядом тока (по крайней мере, именно так я это и ощущаю).

– Нормально. – Пытаюсь улыбнуться и чувствую, как розовеют щеки.

Бьорн застывает, будто должен сказать мне что-то еще, вот только близость ненужных свидетелей не позволяет ему этого сделать. А, может, мне это только кажется – не знаю. В любом случае, этот его взгляд – он важнее любых слов. Он осязаем почти так же, как и сам Бьорн.

Но в этот момент раздается трель. И я вздрагиваю от испуга.

– Твой телефон. – Подсказывает парень.

– А, ага. – Начинаю копаться в кармане.

– Эй, вы идете? – Орет нам Ульрик.

Я достаю мобильник. На экране светится «Микке». Теперь уже весь жар бросается прямым ко мне в лицо. Черт! Черт-черт!

И, не успевая подумать, скидываю вызов и прячу телефон обратно в карман. А затем поднимаю глаза и перехватываю взгляд Хельвина. Он тоже видел то, что было написано на дисплее.

– Нужно спешить. – Мягко говорит Бьорн и разворачивается, чтобы продолжить путь.

– Угу. – Киваю я и бросаюсь за ним вслед.
Чертов звонок! Испортил такой момент!
Ну и ладно. Сейчас не до чувств. Нужно думать о Саре.
И я тоже ускоряю шаг.

Глава 9

Мы высаживаем Ульрика у дома Эллы и желаем ему удачи. Бьорн машет ему рукой и трогает автомобиль с места. Я провожаю фигуру Улле взглядом, пока дом не остается за поворотом. Теперь, когда мы остаемся вдвоем, меня вновь накрывает волнение, и повернуться к Бьорну становится труднее. А точнее, посмотреть ему в глаза.

– Он не всегда ведет себя, как идиот. – Говорит парень, когда я выпрямляюсь в кресле.

Его глаза устремлены на дорогу, и мне так легче: когда мы смотрим друг на друга, я забываю, что оба не свободны, и, что хуже, – можем оказаться родственниками.

– Мы все на взводе. – Произношу я хрипло.

Теперь у меня слишком много рук, ног, пальцев, волос – хочется деть все это куда-то, чтобы не быть у Бьорна на виду. Я почесываюсь, заправляю выбившиеся пряди за уши и неуклюже складываю руки в замок. Мне становится труднее дышать, и приходится вдыхать толчками, чтобы скрывать это.

– Сомневаюсь, что разделить было хорошей идеей. – Задумчиво говорит парень.

Я мысленно благодарю его за то, что он первым нарушает неловкое молчание.

– Да, но... – чешу лоб, затем шею, – так мы точно управимся быстрее.

Куда же деть руки?

Снова скрепляю их в замок на животе.

– Тоже верно. – Всматривается в густеющее серое небо Бьорн.

И мы снова молчим.

– Новые могилы у дальнего края кладбища, – говорит он, когда мы останавливаемся у церкви. – Я заберу тебя на обратном пути.

– Хорошо.

Смотреть ему в глаза все еще трудно. Я открываю дверцу и готовлюсь соскользнуть с сидения вниз – наружу, но не успеваю.

– Нея, – Бьорн кладет свою ладонь на мою руку.

– Да? – Я медленно поворачиваюсь, зная, что мое сердце кольнет от его взгляда.

И вот – это происходит.

Две прозрачных голубых льдинки – глаза Хельвина, проникают в мое сердце; точно вирус – захватывают его и заставляют беспомощно сжаться.

– Дождись меня, ладно? – Просит он. Его голос звучит вкрадчиво и низко, так, что этому тембру хочется довериться. – Не ходи одна через лес.

Я опускаю взгляд и смотрю на его руку – такую большую и сильную, она полностью скрывает под собой мою ладонь. Выглядит так правильно и так красиво...

– Хорошо, дождусь. – Отвечаю я.

Бьорн не убирает руку: похоже, для него эта ситуация не выглядит неловкой. Что-то неуловимо меняется между нами – мы становимся еще ближе, опасно ближе: на той черте, откуда обратно дороги уже не будет.

– Если я задержусь, зайди в церковь к моему дяде.

«Мне там очень не по себе» – проносится в мыслях, но вслух я этого, разумеется, не произношу.

– Ладно. – Медленно поднимаю глаза и смотрю на него из-под ресниц.

Ужасно хочется облизнуть губы, но из последних сил пытаюсь скрыть свое волнение.

– Я быстро. – Говорит парень. И добавляет: – Надеюсь.

Ощущаю, как его пальцы на моей ладони сжимаются крепче.

– Удачи, – бросаю я, выдергиваю руку и выхожу из машины.

В последний раз мы смотрим друг на друга уже через стекло. Мгновение, и автомобиль отъезжает.

И только после этого у меня получается свободно вдохнуть.

Деревья на территории кладбища волнуются – поднялся ветер. И без того скупое солнце лениво спряталось за тучи, налившиеся грязным свинцом. В воздухе пряно пахнет влагой и травами.

Я толкаю железную калитку и вхожу.

Двигаюсь по аллее, затем между ровных рядов могил со скромными табличкам, а далее по дорожке между шикарными старинными фамильными склепами. Вороний крик заставляет поежиться – напоминает, что я здесь не одна. «Могилы – это врата на тот свет» – вспоминаются слова Сары, а тут этих врат – просто тьма, попробуй, найди нужные.

Поплутав среди древних памятных надгробий и плит, я все же приближаюсь к дальней ограде. Здесь много новых захоронений, и даже есть стена с ячейками для погребальных урн. Я иду, читая надписи на табличках, прислушиваясь к звукам и шуму ветра, пока не натякаюсь на целую вереницу свежих могил.

А вот и Элла. Огромное количество свежих цветов на земле не оставляет сомнения – это то, что мне нужно.

– Привет, – бормочу я.

Годы жизни на временной табличке надгробия заставляют поморщиться – девушка умерла совсем недавно, и это ужасно несправедливо. У нее вся жизнь была впереди.

– Прости, что приходится беспокоить, – говорю ей.

Сажусь на корточки и вдруг понимаю, что не взяла с собой ничего, чем могла бы зачерпнуть земли, и куда могла бы ее сложить.

– У тебя не найдется пакетика? – Шучу я, оглядывая могилу.

Деревья за оградой аплодируют моей черной шутке шелестом листвы.

Что же делать?

Вспоминаю, что сумку оставила в трейлере Сары. Снова звонит телефон: это Микке. Сбрасываю вызов и начинаю судорожно шарить по карманам. В одном из них на счастье обнаруживается небольшой пакетик от шоколадных драже, которые я съела еще на прошлой неделе.

Сколько вообще земли нужно?

Такого количества хватит?

Я расправляю пакетик и пытаюсь прикинуть. Не ведро же нести? В любом случае, у меня других вариантов нет.

Опускаюсь на колени и начинаю зачерпывать ладонью землю и насыпать в этот пакетик. Интересно, должна ли я извиниться перед покойницей за вандализм? Это вообще считается осквернением? И какая земля лучше: у изголовья или с той стороны, где ее ноги? А где они, вообще? Временную табличку ставят со стороны головы?

– Прости, Элла. – Шепчу я. – Могла бы наврать, что мы тебя больше не побеспокоим, но это не так. Если хочешь, я потом верну эту землю на место. Вернуть? – Снова гляжу на табличку, а затем продолжаю собирать комочки влажной земли в пакетик от драже. – Вообще, ты могла бы и сама явиться к Бьорну и показать ему своего убийцу. Ткнуть пальцем – что может быть проще?

Я стираю запястьем пот со лба и вдруг осознаю, что подобно Улле несусь от волнения всякую чушь.

– Этот Реннвинд сведет с ума любого...

Поднимаюсь с колен и аккуратно запечатываю пакетик. Придется придерживать его пальцами, чтобы он не открылся, и земля не рассыпалась. Сжимаю в кулаке левой руки добычу и недовольно рассматриваю пальцы правой – под ногтями теперь черно от комьев земли. Пытаюсь стряхнуть остатки песка и пыли, болтая рукой в воздухе. Бесполезно.

– Знали погибшую? – Этот голос заставляет меня вздрогнуть.
Я оборачиваюсь.

– Простите, похоже, я напугал вас. – Передо мной светловолосый мужчина. На нем черное одеяние с воротником-колораткой. – Пастор Хельвин.

Он склоняет голову в знак приветствия.

– Здравствуйте, – хрипло говорю я.

И сжимаю грязные пальцы в кулак – хорошо, что не нужно жать ему руку.

– Мы все потрясены ее гибелью. Но смерть оставляет после себя не только скорбь и мрак, но и надежду на жизнь вечную. – Его светло-голубые глаза сужаются. – Вы учились с Эллой, верно?

Взгляд мужчины пронзителен настолько, что мне становится страшно: а вдруг он прочитает мои мысли?

– Ах, вы об этом. – Я вижу, как он скользит глазами по моей школьной форме. – Да, мы учились вместе, но я не знала Эллу близко. Мы... я недавно переехала сюда.

– Серьезно? – Теперь он смотрит мне в лицо. Щурится, как от солнца, словно пытается понять, кого я ему напоминаю. – Обычно я стараюсь узнать все о новеньких. Дайте угадаю, вы...

– Нея. – Я вся превращаюсь в зрение: это тот самый момент, который я ждала с детства. Найти того, кто мог бы быть моим отцом, и посмотреть на его реакцию. – Нея *Остлунд*.

– Остлунд?..

Я вижу, как меняется его лицо. Крылья носа напряженно дрожат, когда он втягивает в себя воздух.

– Да, мне говорили... – На его лбу появляется морщинка. – Вы... вы дочь Карин?

– Совершенно верно. – Я испытываю его терпение полуулыбкой. – Я учусь с вашим племянником, мы с ним – *ровесники*. В смысле, мне скоро восемнадцать. – От меня не укрывается, как вздымается его грудь на вдохе, и как глаза принимаются плясать по земле, пока он что-то подсчитывает в уме. Решаю его добить: – Вы знали мою мать?

Пастор слегка зажмуривается, а затем поднимает взгляд на меня.

– Карин? Да. Да, конечно. Я знал. Как она... – он прочищает горло. – Как она п-поживает?

Сказать ему, что она умерла, и посмотреть, как он пойдет пятнами? Или рассказать про психушку?

– Все замечательно. – Отвечаю я, и вижу, что он облегченно выдыхает, (но, если уж быть честной, не расслабляется до конца). – Передает вам привет.

– В-вот как. – Пастор кажется растерянным.

Этот рослый и крепкий мужчина своим видом нечаянно выдает потаенные слабости: его определенно что-то связывало с моей матерью.

– Да, – подтверждаю свои слова кивком, – сейчас она на лечении, но, думаю, как выпишется, будет рада, если вы ее навестите.

Он сглатывает. Улыбка больше не держится, точно приклеенная, на его лице. Хельвин не очень-то верит словам о том, что моя мать будет ему рада.

– Я заеду. – Задумчиво говорит он. – Заеду, да. Когда она вернется? Вы же живете в доме Вильмы?

– Да, в доме бабушки. – Отвечаю я лишь на вторую часть вопроса. Делаю паузу, надеясь, что он решится спросить что-то еще: например, есть ли у меня отец. Но пастор не торопится. И тут меня осеняет: – Кстати. – Я запускаю грязную руку в карман, где лежит телефон, нащупываю то, что мне нужно, и выуживаю оттуда двумя пальцами. – Она просила вам передать. – Протягиваю ему маленькое картонное сердечко, которое утром сняла с дверцы шкафа. – Это же ваше, да?

Пастор берет валентинку, посередине которой выведена и многократно обведена буква «А», и подносит ее к глазам. Его руки дрожат, а губы мертвенно бледнеют.

– Ваше. – Окончательно утверждаюсь я.

По нему видно – узнал. Ошибки быть не может. Моя мамаша мутила с этим блондинчиком в те давние времена, когда он еще не был святошей и настоятелем церкви. А, значит, вероятность того, что они занимались сексом и могли зачать меня, стремится к процентам, этак, к ста.

Мы стоим друг напротив друга, ветер нетерпеливо треплет наши одежды, а тишина становится верным хранителем невысказанного, но столь очевидного.

– Как вы сказали... – Едва слышно произносит пастор, поднимая на меня взгляд.

– Нея. – Отвечаю я, ныряя в бездну его светлых глаз, так сильно похожих на глаза Бьорна. – Линнея.

Я сотни раз представляла, как встречу со своим отцом, и как посмотрю ему в лицо. Мне казалось, что в этот момент меня затопят невообразимое тепло, радость и счастье от того, что давно потерянное теперь найдено и возвращено на место. Но все, о чем я могу думать сейчас, это орущее в подсознании: «Пожалуйста, нет, умоляю, только не это, в моих жилах не может течь кровь Хельвинов, это ужасно несправедливо!»

– Когда вы сказали, я могу увидеть Карин?

– Никогда. – Выдыхаю я, вдруг теряя самообладание. – Она даже не узнает вас, если увидит. Карин в психушке, она тронулась умом. Уже давно.

Разворачиваюсь и ухожу, не давая ему сказать ни слова.

Даже если он – мой отец, я не хочу этого слышать. Он для меня чужой. Он – никто. Я не хочу, чтобы эти слова разбили мою жизнь опять.

Я. Не. Хочу.

И прижав к груди пакетик с землей, я убегаю.

Бегу, пока не выбегаю за ограду. Оглядываюсь, вижу убежище в тени раскидистых дубов и несусь туда. А, оказавшись там, прячусь за широкий ствол одного из деревьев, зажимаюсь и приказываю себе не рыдать. Не рыдать!

Глава 10

– Запрыгивай! – Велит мне Бьорн, когда машина тормозит у края дороги.

Он кажется веселым, и я не сразу понимаю от чего. И тут замечаю Улле, сидящего рядом с ним на пассажирском сидении. Мне пришлось ждать их возле кладбища не меньше пары часов, но, видимо, оно того стоило: оба парня выглядят довольными.

– Все прошло хорошо? – Звучит мой первый вопрос, едва я оказываюсь в салоне.

И в этот момент вижу, как что-то копошится на коленях Ульрика в холщовом мешке. Парень удерживает мешок за плотно сомкнутую горловину и старается не приближать к лицу. То, что внутри, яростно подпрыгивает, трепыхается и кричит: звуки выходят странными, отрывистыми, и вдруг я понимаю, что это птица.

– Можно было управиться и быстрее. – Отзывается Бьорн. – Но эта желна никак не хотела поддаваться, а других птиц поблизости не обнаружилось.

Я вижу, что его ладони и запястья слегка оцарапаны ветками, а к рукам школьной рубашки, закатанным до локтя, налипли паутина и мельчайшие частицы древесной коры. Видимо, парню пришлось ползать по вековым соснам и елям.

Прическа Бьорна тоже видоизменилась: растрепанные светлые волосы от затылка свободно спадают на плечи, а основная их масса сверху теперь наспех прихвачена в небрежную гульку на макушке. Судя по капелькам пота на его шее, парень задержался из-за того, что приткий дятел гонял его по лесу, издеваясь, не меньше часа.

– Ты не мог посадить ее в клетку? – Ворчит Улле, отставляя от себя мешок подальше.

Хельвин раздражается нервным смехом.

– Где я тебе клетку-то возьму?

– Ну, не знаю! В зоомагазине! – Ржет Ульрик.

Птица, трепыхнувшись, бьется о приборную панель автомобиля, и ненадолго затихает.

– А ты как справился, Улле? – Спрашиваю я. – Нашел что-нибудь?

– Разумеется! – Парень гордо вздергивает подбородок.

– Супер! А то я переживала. – Ловлю в зеркале заднего вида взгляд Бьорна.

– Что я тебе, идиот, что ли, какой-то? – Ульрик выуживает свободной рукой расческу из внутреннего кармана. – Вот!

Она розовая, с блестящей ручкой, на щетине – несколько длинных волос.

– Как хорошо, что ты пошутил про трусики. – Выдыхает Бьорн, ударяя ладонью по рулю. – А я, уж было, поверил.

– Почему пошутил? – Сводит брови Ульрик. – Трусики я тоже прихватил, было слишком заманчиво, чтобы не соблазниться!

Мы с Хельвином снова смотрим друг на друга, и в салоне воцаряется молчание.

Но в следующий момент Ульрик раздражается таким звонким и заразительным смехом, что всю неловкость как рукой снимает.

– Трусики покойницы? И вы поверили? Серьезно? – Хохочет он.

Бьорн ударяет его кулаком в плечо.

– Шутник хренов.

– А вдруг бы это оказались трусики не Эллы, а ее мамули? – Продолжает Улле. – Или того хуже – папулины?

– Прекрати, – я тоже толкаю его сидение локтем.

Возможно, мы с этими ребятами могли бы дружить, сложись все иначе.

– Хватит меня бить! У меня есть девушка! – Стонет Ульрик, отбиваясь от новых ударов Хельвина. – Меня интересуют исключительно ее трусики!

– Боже, – отворачивается Бьорн.

– Кстати, о моей девушке. Ты не мог бы надавить на газ? Вокруг нее кружат какие-то бестелесные типы, и я слегка, знаешь ли, ревную.

Несмотря на шутку, на нас обрушивается напоминание о том, что все очень серьезно. Пока мы тут смеемся, Сара там изнемогает в ожидании. Ей очень страшно, и времени остается все меньше. Поэтому мы все с облегчением выдыхаем, когда Бьорн давит на газ, заставляя автомобиль ускориться.

– Наконец-то! – Встречает нас Анна. – Так трудно было поймать какую-то птицу?

Она открывает дверь шире, позволяя нам войти в трейлер.

– Совсем нетрудно, я же делаю это каждый день, – хмыкает Бьорн.

Ульрик передает ей мешок и расческу, найденную в комнате Эллы.

– А где Сара? – Интересуюсь я с ходу.

В гостиной все готово к ритуалу, кругом разложены свечи, амулеты, какие-то книги, на полу расстелены джутовые коврики, а на столе рассыпан пепел. Но вот подруги своей я нигде не вижу.

– Я велела ей прилечь. – Анна указывает рукой за ширму.

– Сара? – Я кладу на стол могильную землю и отправляюсь туда.

Обхожу ширму и заглядываю в уголок, служащий подруге спальней. Трудно назвать это полноценным местом отдыха: на двух квадратных метрах размещаются постель, выдвижной столик, на котором можно делать уроки, полки с книгами, настольная лампа и штанга под потолком, держащая вешалки с немногочисленной одеждой. У нас в съемной квартире во Флодберге балкон был в два раза больше, чем эта клеть за ширмой.

– Сара? – Наклоняюсь и отдергиваю одеяло.

В следующую секунду в меня вонзаются тысячи ледяных иголок: пусто, на постели никого нет.

– Сара! – Я оглядываю комнатку, ударяю руками по скромным нарядам на вешалке, наклоняюсь под стол. Это глупо, человеку там не спрятаться: просто меня охватывает паника. – Сара!

Бросаюсь в уборную: трейлерный туалет не шире того, что бывает в поезде или самолете, но спрятаться там можно. Дергаю дверь, и застываю в изумлении. Подруги внутри не оказывается, зато маленькое окошечко распахнуто настежь. Если встать на унитаз ногами, подтянуться...

– Что... – Бьорн спотыкается на полуслове.

Влетев за мной следом в уборную, он застывает в изумлении, а затем выплевывает ругательство и выбегает обратно.

– Сара! – Кричу я, забираясь на злосчастный унитаз.

Из гостиной слышатся крики, ругань.

– Сара-а! – Ору я, повиснув на раме.

И вижу, как мимо меня в сторону леса пробегает Ульрик, а за ним Бьорн и Анна.

– Черт...

Я застреваю, не зная, куда лучше сдвинуться – назад или вперед. Пока решаю, их фигуры уже скрываются в лесу. Отталкиваюсь локтями и... кубарем лечу с окна. Палки, камни, мусор – я собираю, кажется, все. Ударяюсь о деревянное полено и замираю на земле, ощутив боль в плече.

Черт!

Встаю и бегу вслед за остальными в заросли деревьев. Затем останавливаюсь. «Нет, нам нужно разделиться, нужно осмотреть всю территорию – Сара не могла удрать далеко».

Я обхожу трейлер по кругу, потом исследую развалины,двигаюсь в сторону города и почти дохожу до оживленной улицы. «Нет, она могла уйти, куда угодно».

Вот только зачем?

Почему Сара ушла?

Что-то выманило ее из дома? Она тоже услышала зов?

Я возвращаюсь к трейлеру и сажусь на ступени. Уже смеркается. Достая телефон и набираю тетю.

– Да? – Ее голос звучит тревожно. – Ты где, Нея? Тебя целый день не было дома!

Я вздыхаю.

– Ингрид, пропала Сара. Мы у нее дома, пытаемся разобраться, что случилось, так что я задержусь, хорошо?

– Может, тебе лучше вернуться домой? В том районе небезопасно!

– Все хорошо, со мной друзья. Я позвоню, обещаю.

И не дожидаясь нового потока нотаций, обрываю соединение. В следующее мгновение из леса показывается Анна.

– Я должна была это предвидеть! – Сетует цыганка. Она выглядит растерянной и напуганной. – Нельзя было отпустить ее от себя ни на секунду!

Я вскакиваю.

– Наверное, она услышала тот же зов. Наверное, Сара не соображала, что делает.

– Тогда сейчас она на пути к своей смерти. – Женщина входит в трейлер, я – за ней. Она бросает взгляд на часы. – Скоро ночь, и, значит, они вот-вот встретятся.

– Так давайте, скорее проведем ритуал!

– Да. Да... – Анна оглядывает стол, затем обращает взор на мешок, лежащий на полу и придавленный у горловины швейной машинкой. Внутри все еще мечется, хотя и уже не так активно, пойманная птица. – А где дхампири?

– Вы убежали все вместе.

– Тогда нужно ждать его возвращения. Только ему призрак может указать дорогу.

– Ждем.

Не знаю, сколько проходит времени прежде, чем из леса, препираясь и обвиняя друг друга, выходят парни. Я бегу им навстречу.

– Не нашли?

Они виновато крутят головами. Ульрик темнее тучи и выглядит запыхавшимся.

– Уже смеркается, нужно быстрее провести ритуал! – Кричу я.

И они подрываются, точно по сигналу.

– Закройте дверь. – Просит Анна, когда мы вбегаем в трейлер.

Цыганка звинчена до предела, но ей приходится взять себя в руки, чтобы подготовиться к главному действию.

– Что теперь будет? Как нам ее спасти? – Голос Улле дрожит.

– Бери птицу. – Тихо говорит женщина.

Парень бросается к мешку, позабыв о том, что еще недавно боялся даже прикоснуться к его содержимому. Он выдергивает горловину из-под машинки и запускает внутрь мешка руку.

– Ах, ты... – Изловчившись, парень вынимает бедную птицу.

Ульрик держит ее двумя руками: крепко-крепко. Поворачивается к цыганке. В руках у той короткий топорик с острым лезвием. Она берет птицу за горло и, не обращая внимания на ее попытки кричать и сопротивляться, придавливает ее к столу, и... хрясь!

Мы замираем.

Голова желны откатывается в сторону и падает со стола.

А тело еще продолжает дергаться.

Мы стоим, словно истуканы, и, не дыша, наблюдаем за тем, как кровь медленно и толчками заливает стол. Едва тельце пернатой жертвы перестает шевелиться, цыганка ловко напол-

няет ее кровью глиняный сосуд, стоящий на столе, и отбрасывает тушку в сторону, словно ненужную тряпку.

– Господи спаси... – Шепчет Ульрик.

Я вижу птичью башку на полу. Мощный длинный серо-белый клюв, красная «шапочка» на макушке и выпученные белые глазенки. Ужас...

– Всем молчать, – приказывает Анна. – Господь тут ни при чем.

Она зажигает свечи, ссыпает в сосуд землю с могилы Эллы, тщательно перемешивает деревянной палочкой, добавляет из какого-то стеклянного сосуда голубоватую жидкость, снова перемешивает, а затем... давясь, пьет.

Фу-у-у...

Глядя, как цыганка борется с тошнотой, я делаю шаг назад. Меня пошатывает от ужаса, ноги становятся ватными. Я вижу, как сереет лицо Улле, как тени от свечей носятся под потолком, как сгущается тьма, а затем... рука Бьорна ложится на мое плечо, и он не дает мне упасть.

«Я тут, я с тобой», – говорят его глаза.

И мне становится легче дышать.

Но в комнате теперь не только мы. Анна садится на стул и, закрыв глаза, начинает медленно расчесывать свои волосы расческой Эллы и что-то тихо шепчет, шепчет, шепчет.

Глава 11

– Анна, вам плохо? – Улле наклоняется к женщине.

– Стой, дурень! – Бьорн прихватывает его за ткань рубашки на спине и резко дергает.

Парня отбрасывает назад, словно тряпичную куклу.

– Эй, полегче! – С возмущением восклицает Улле.

Хельвин бесцеремонно затыкает ему рот своей ладонью:

– Заткнись. – Шепчет он. – Если ты помешаешь ритуалу, дух Эллы может найти прибежище в теле Анны. Лучше прикуси свой язык и не встревай.

Цыганка икает и с трудом подавляет рвотный рефлекс. Черная жижа из земли и крови сползает с ее губы по подбородку, глаза темнеют. Теперь она, молча, раскачивается, прижав расческу к груди.

– М-м-м... м-м-м...

– И что дальше? – Не выдерживает Ульрик.

И тут тело Анны начинает сотрясаться в конвульсиях: она дергается так, будто ее вот-вот вырвет, отбрасывает расческу на пол и с силой вцепляется в ручки кресла. С ее губ срывается тихое рычание, затем тарабарщина на цыганском, а потом женщина резко замирает и низким голосом выкрикивает:

– Приказываю тебе! – Вбирает в грудь воздуха. – Приказываю – явись!

– Пойду-ка я отсюда, – бормочет Улле, пятясь назад, когда ее глаза вдруг начинают закатываться за веки.

Пламя свечей вспыхивает ярче и поднимается выше, а затем – гаснет. В трейлере воцаряется такая леденящая тишина, что я хватаю Бьорна за руку. И вдруг понимаю – Ульрик схватил тоже, только правую руку. Хельвин, вздохнув, отцепляет его от себя. Мою же руку он не скидывает.

Вокруг темно и жутко от того, что не знаешь, с какой стороны придет неведомое. Может, оно уже окружило нас со всех сторон, а, может, только что проникло в тело Анны и готовится нанести удар.

– И что? – Шепчет Улле.

Кажется, его зубы стучат от страха.

Я медленно оглядываю комнату. Пахнет кровью, дымом и благовониями. Глаза еще не привыкли к мраку, поэтому перед взором пляшут рыжие всполохи. Ах, нет – это глаза Бьорна. Осознание этого заставляет сердце сжаться. Парень прекрасно видит в темноте: это его особенность. Но он не человек в полном смысле этого слова – и это то, что роднит нас и одновременно разводит по разные стороны баррикад.

– Ты покажешь мне, Элла? – Раздается его голос.

Я пытаюсь проследить за его взглядом. Парень смотрит в пустоту на противоположной стороне стола от Анны, замершей в странной позе – будто не дыша.

– Покажи!

Меня сотрясает от его требования, как от раската грома. Голос Хельвина словно режет меня пополам.

Улле съезживается:

– Она тут?

– То, что от нее осталось. – Отвечает Бьорн холодно. – Сейчас она выглядит ровно так, как выглядела тогда, когда испустила свой последний вздох.

Я тупо пялюсь в темноту. Мне хочется ощутить то же, что и он, увидеть девушку, почувствовать энергию, но пустота остается пустотой. Неужели, Бьорн сейчас видит истерзанное тело Эллы? Неужели, смотрит ей в глаза? У нее вообще остались глаза?

– Нет. – Говорит Хельвин. Но это не ответ на мой вопрос, он обращается к Элле. – Это приказ оракула. У нее вещь, принадлежащая тебе.

И в эту же секунду, покачнувшись, с грохотом опрокидывается стул. Кто-то взвизгивает от неожиданности. В первое мгновение я решаю, что это Улле, но потом смотрю на него и понимаю – это мой собственный голос. Просто от страха я перестала себя контролировать.

– Тебе придется, – склонив голову набок, твердо произносит Бьорн.

Фраза звучит, как угроза. И в следующее мгновение возле нас проносится ветер. Я понимаю, что это дух девушки: пролетает мимо и скрывается прочь.

– Что это было? – шепчет ошарашенный Ульрик.

Но его вопрос остается без ответа: Бьорн срывается с места, толкает дверь и выбегает на улицу. В трейлер врываются ветер и запах сосен.

– За ним! – Кричит Улле.

Но в этот момент Анна, издав низкий гортанный звук, падает со стула на колени и упирает ладони в пол.

– Беги! – Бросаю я Улле и опускаюсь на колени рядом с ней.

Перед тем, как выбежать, парень щелкает выключателем у выхода, и в трейлере загорается свет.

– Анна, что с вами? – Глажу цыганке спину. – Все хорошо?

Женщина дергается всем телом, пытаясь вдохнуть воздуха, но у нее это не получается. Она начинает трястись сильнее.

– Дышите! – Ору я, видя, как она бледнеет. – Дышите! Боже...

Меня саму трясет от страха за ее жизнь.

Она тянет ртом воздух, но вместо вдоха у нее получается низкий горловой звук, от которого все мое тело буквально немеет. Это не голос, это точно что-то потустороннее.

– Дышите! – Ударяю я ей по спине.

И, выгнув шею, женщина вдруг избавляется от всего, что проглотила. Ее рвет на вышитый цветастый коврик черной земляной смесью, густо приправленной птичьей кровью.

– Все хорошо, – приговариваю я, поглаживая ее спину.

Анну снова рвет фонтаном: кажется, конца и края этой черной жижи не будет. Я вскакиваю, беру с полки что-то похожее на полотенце, чтобы вытереть ей лицо, но сверху на меня падает что-то тяжелое. Это шкатулка с картами. Я не успеваю среагировать, и таро рассыпаются по полу.

– Ой, – приседаю и начинаю собирать их.

– Плохой знак, – сишло произносит женщина.

Тяжело дыша, она вытирает рот рукавом и усаживается на пол. Собрав карты в шкатулку, я подаю ей полотенце и вижу, что пот градом катится по ее бледному, как мел, лицу.

– Вам нужна помощь.

– Я просто без сил, – выдыхает Анна. – Беги... Беги за ними!

– А вы?

– Со мной все будет в порядке. – Обещает она. – Сейчас отпустит, и я позвоню Хельвинам. Они вас найдут. Они помогут.

Ее глаза закатываются, руки слабнут, но у меня нет выбора – я вскакиваю и бегу к двери.

– Простите! Простите!

– Помоги Саре. – Цыганка кивает, сжав челюсти в подобие улыбки. – Помоги...

Хлопнув дверью, я несусь в темноту леса. Под ногами слышится хруст веток и шорох травы.

– Улле! – Ору я, теряясь в лабиринте темных стволов деревьев. – Бьорн!

Несусь наугад. Ветви хлещут по щекам, я пытаюсь закрываться от них руками. Бегу, бегу, бегу. Прислоняюсь к одному из шершавых стволов, чтобы отдышаться. Поднимаю взгляд

вверх. Стальные тучи доедают огрызок желтой луны, а сосны тянут к ним верхушки, точно адепты, поклоняющиеся этой темной силе.

– Улле! Бьорн! – Кричу я из последних сил.

И прислушиваюсь к зловещей тишине. Холодный воздух обжигает горло, щекочет нос.

Тихо.

И, наконец, где-то вдали хрустит ветка.

Я замираю, стараюсь не дышать. Но сердце бьет в грудь, точно молот.

– Сюда! – Это голос Ульрика.

Я с облегчением выдыхаю, отпускаю ствол сосны и бросаюсь на этот звук.

Глава 12

– Где мать Сары? – Спрашивает Ульрик, когда мы находим друг друга в полутьме.

Парень хватает меня за руку, его ладони липкие от пота. Он тяжело дышит.

– Осталась в трейлере, сказала, позовет Хельвинов на подмогу.

– Идем! – Он не дает мне отдышаться. – Бьорн побежал туда.

И мы набираем ход, продираясь сквозь кусты и стволы высоких сосен. Ульрик тащит меня за собой, забывая, что я в юбке, и по моим голым ногам хлещут колкие ветви.

– Он видит ее? Видит призрак Эллы? – Задыхаясь, интересуюсь я. – Она показывает ему дорогу?

– Наверное! Я видел только, как сверкают его пятки. Ах, да, и еще глаза. Что бы там не видел парень с фарами вместо глаз, я склонен ему верить!

Непроглядное черное небо почти доело луну. Мы пробиваемся в чащу почти на ощупь, вокруг кисло пахло землей и тиной, сластит гнилью.

– Кажется, мы на болоте. – Стону я, ощущая, как влажно хлюпает под подошвами ботинок.

– Бьорн! – Взывает Улле. – Эй, дружище!

– Заблудились. – Говорю я, хватаясь рукой за ребра.

Где-то внутри больно покалывает.

– Бьорн! – Вопит Ульрик, оглядываясь по сторонам.

Его голос разносится эхом. Вместо ответа слышится уханье совы.

– Я здесь! – Доносится откуда-то справа.

– Он здесь! – Выдыхаю я, сжимая ладонь Улле.

– Откуда шел его голос?

– Черт...

– Бьо-о-орн! – Вопим мы наперебой.

– Сюда! – Слышится вдалеке.

– Туда! – Указываем мы одновременно в разные стороны.

– Нет, – опускает мою руку парень, – нам сюда.

И тянет за собой в черноту и сырость чащи.

– Я тут! – Наконец-то, раздается невдалеке.

– Это он... – Радостно вздыхаю я.

Надо признаться, меня уже успело охватить отчаяние.

– Ты здесь, боже... – Сама не понимаю, как влетаю в его объятия.

Сердце колотится, как сумасшедшее. Окунаюсь в его запах, и словно оказываюсь дома – на секунду это ощущение побеждает мой страх.

– Нея. – Парень прижимает меня к груди, но не теряет бдительности. Нервно оглядывается по сторонам, не забывая, где мы находимся, и зачем сюда пришли. – Вы тут. Так, хорошо. А где цыганка?

– Осталась в трейлере, сказала, позвонит твоему отцу. – Я отстраняюсь. – А Элла? – Это глупо, но я тоже оглядываюсь по сторонам. – Где она? Ты ее видишь?

– Где призрак? – Напоминает о своем присутствии Улле.

Парень оперся рукой о дерево, чтобы отдышаться.

– Она исчезла. – С досадой сообщает Бьорн и всплескивает руками. – Просто растворилась в воздухе.

– Завела в чащу и смылась? – Уточняет Ульрик. – Мы в западне?

Бьорн кладет руки на лоб.

– Дай подумать... Черт... черт! – Он оглядывается по сторонам, его глаза вспыхивают ярким светом, будто зажигаются два огонька. – Куда ты подевалась, твою же... Аргх-х!

Его руки падают вниз.

Это тупик.

– Подождите. – Говорю я. – Подождите. – Делаю круг по своей оси. Тени деревьев сливаются в густую темно-серую муть. – Она не просто так нас сюда привела. Оно здесь. И Сара тоже... Сара!

– Сара! Сара-а-а! – Начинают кричать парни.

А когда мы замолкаем, чтобы прислушаться к бродящему меж деревьев ветру, где-то вдалеке раздается треск ломающихся веток.

– Что это? – Нахмуриваюсь я.

Земля содрогается. Это чьи-то тяжелые шаги.

– Это оно. – Бьорн машинально ухватывает меня за талию и зашвыривает себе за спину.

Я замираю, слыша, как растет его пульс, как учащается сердцебиение. Парень напряженно вглядывается во тьму.

– Ох, и не нравится мне это... – Только успевает произнести Ульрик, как вдруг где-то вдали раздается истошный женский крик.

– Сара! – Срываемся мы с места и бежим туда.

Хельвин сразу отрывается от нас двоих. Я едва успеваю заметить, как широки его шаги, когда его фигура взрезает черноту леса и скрывается между стволами.

– Сара-а-а! – Кричу я так, будто этот крик может кого-то спасти.

Но прелая темнота кажется бесконечной, а крики все усиливаются.

– Нет! Не-е-ет! – Можно различить в треске ломающихся ветвей.

Это она. Ее голос все ближе.

Ульрик давно обогнал меня и тоже скрылся во тьме, теперь я бегу только на этот звук, вытянув руки, чтобы ненароком не врезаться в одно из деревьев. Земля под ногами такая склизкая, что сдирает на ходу башмаки. Приходится быть осторожнее, чтобы не потерять обувь и не упасть.

– Не... – Голос подруги обрывается.

Затем слышится грохот и рев. Нечеловеческий, низкий, трубный. Не рев реактивного двигателя, но и не рычание зверя. Что-то потустороннее, от чего волосы на руках поднимаются дыбом, а дыхание сковывает льдом.

Я появляюсь на поляне как раз в тот момент, когда в мою сторону летит что-то огромное. Едва успеваю увернуться, как оно обрушивается на землю в паре метров от меня. Взрывает почву так, что вибрация бьет по ногам.

– Нея-я-я! – Звенит в ушах голос Сары.

Я замираю и медленно поворачиваюсь, чтобы рассмотреть то, что упало практически к моим ногам. И в эту же секунду меня парализует от страха.

С земли, рыча и ухая, поднимается что-то огромное, темное, долговязое. Простынь голой кожи вздувается струпьями и свисает лохмотьями, мелькает синевой и пузырится грязной черной жижей.

– Что... – мои губы немеют.

Тряся дряблыми обвисшими кусками плоти, обнажающими человеческий череп на широких плечах, чудовище вдруг оскаливается. И, обнажив остатки изгнивших зубов, издает громкий звук, больше похожий на разъяренное булькающее шипение.

– Нея! Беги! – Отрезвляет меня крик Сары.

Но я все еще не могу пошевелиться. Хватаю ртом воздух и смотрю, как, заволакивая ноги, двигается на меня эта чудовищная машина.

Где все? Что происходит?

Едва успеваю краем глаза поймать разбросанных по поляне и лежащих на земле Сару и Ульрика, как надо мной нависает огромная ручища. Хлоп!

И вырвавшийся откуда-то из темноты Бьорн сбивает чудище с ног. Удар все же приходится вскользь по моему плечу, и я тоже отлетаю назад и падаю спиной в дерево. Бах!

«Как же больно...»

На мгновение меня оглушает, и я теряю ориентацию в пространстве, но звук ломающихся, крошащихся неподалеку от меня костей и боль в собственном теле быстро приводят в чувство.

Рывком поднимаюсь, дергаю рукой, головой. Вроде все цело. Оборачиваюсь, пытаюсь оценить ситуацию, и чувствую, как звенит в висках. А сбоку мелькают тени: двое ожесточенно вколачивают друг друга в грязь. Это Бьорн, чья рубашка разодрана, а тело вывалено в грязи, и чудовище, раззявившее провал черной пасти и изошедшее липкой слюной.

Я в ужасе отползаю, не переставая следить за схваткой. Хельвин наносит мощный удар в башку, и со скальпа чудища слетает здоровенный кусок кожи.

Монстр отшатывается назад, но тут же, словно робот, снова бросается в бой. Все человеческое в нем – руки, ноги, туловище – быстро теряют нормальный образ: из глазниц от удара выпадают ссохшиеся черные глазные яблоки, как шелуха, слетают с плеч ошметки истлевшей одежды, из дыр между ребрами, волнуясь мелкой дрожью, стекает слизь – то, что когда-то было его внутренними органами.

Когда-то – значит, до смерти. А теперь он живой мертвец, иначе как понимать, что чудище, представляющее собой скелет с остатками полуразложившихся тканей, ходит на двух ногах, издает какие-то звуки и обладает силой?

– Бьорн! – Надрывается в крике Ульрик, поднимаясь с земли и бросаясь на подмогу другу, когда тот получает от живого трупа удар по голове.

Монстр валит Хельвина на землю и пытается вцепиться в его грудь зубами, но Улле, позабыв о страхе, накидывается на него сзади и пытается провести удушающий. Трудно задушить того, кто и так не дышит, поэтому не удивительно, что чудище тут же отбрасывает парня от себя мощным ударом локтя и снова возвращается к лежащей на земле жертве.

– Бьорн! – Захлебываясь в страхе и повисшем над поляной запахе разложения, ору я.

И тот встречает чудище мощным ударом в шею. Слышится хруст рассеченной гортани и булькающий хрип. Хельвин роняет чудовище на землю и принимается молотить кулаками так, будто в него самого бес вселился. В этот момент я ощущаю что-то странное: смесь волнения, гордости и... страха от того, что Бьорн превращается в этой схватке в настоящего зверя, не знающего пощады.

Он не просто бьет нежить, точно заведенный, он рвет его руками на части, ломает, отшвыривает в сторону кости, разрывает полуистлевшие внутренности и с глухим рыком вбивает черепушку с перекошенным подобием лица в землю.

Руки Бьорна мелькают точно крылья мельницы, мощные плечи становятся еще шире, а жилы на шее надуваются. Уверена, никто и ничто в этот момент не может его остановить. Он как робот – выполняет ту главную и важнейшую функцию, что заложена в него природой: несет смерть, и делает это без капли сожаления или раздумий. Он убивает, ведь его тело – лучшее из орудий против этих тварей.

Монстр дергается, стараясь вырваться, но в следующий миг проломленный череп раскалывается на части, и трухлявые конечности, зависнув на миг в воздухе, обрушиваются наземь.

Он мертв. Уничтожен.

И сразу становится тихо. Очень тихо.

Хельвин слезает с убитого чудища. Он тяжело дышит и смотрит на нас совершенно безумными глазами, в радужках которых постепенно гаснут желтые всполохи. Затем переводит взгляд на свои руки со вздувшимися венами, покрытые ошметками костной ткани, обрывками

сухой синеватой кожи и загустевшими кровяными сгустками и изумленно вздыхает – будто не понимает, откуда это все взялось.

– Что это было? – Спрашиваю я, поднимаясь с земли.

Улле ковыляет в сторону Сары. Девушка лежит под деревом, держась за кровоточащую ногу.

– Это... – Глядя на собственные дрожащие руки, тихо отвечает Хельвин.

– Это. – Говорю я, остановившись у распластанного на земле трупа.

Точнее, того, что от него осталось – дхампири буквально разорвал его на части.

– А, это. – Бьорн переводит ошалелый взгляд на груды костей. – Думаю, это друг.

Глава 13

– Кто?

– Друг. – Бьорн пошатывается. – Оживший мертвец.

– Зомби? – Я наклоняюсь, чтобы в полуночной мути разглядеть останки чудовища.

– Вроде того.

Достаю из кармана телефон, врубаю фонарик и свечу на грудку костей с ошметками ссохшихся тканей – все, что осталось от долговязого монстра.

Зрелище жуткое. Черные зубы, половина из которых повылета от ударов дхампири, разможенный череп, трухлявые кости с остатками сухой синей кожи и истлевшего мяса. Кое-где на костях и тканях виднеются лохмотья одежды, не успевшей сгнить и вываленной в глине.

– Как ты? – Ладонь Хельвина ложится на мое плечо.

И я вздрагиваю от неожиданности.

– Черт!

– Прости. – Он отдергивает руку. – Не подумал.

Я поворачиваюсь и навожу свет фонарика на его руки. Они густо перемазаны тем, что когда-то было внутренностями и тканями друга. Пальцы Бьорна дрожат, кончики волос впитали грязь и прилипли к шее.

– Я-то нормально. – Бормочу, ведя лучом фонарика по его груди. Рубашка разодрана и тоже перемазана грязью, а на груди, чуть ниже ключицы, свежая, кровоточащая рана. – А ты?

Парень опускает взгляд.

– Всего лишь царапина.

– Ловко ты. – Сглатываю. – Справился с ним.

– Я тебя не напугал?

– Нет. – Вру я, облизнув губы. – Но ты махал кулаками, как сошедшая с ума мельница.

Рвал его на части...

Бьорн снова поднимает руки и уставляется на ладони.

– Все как в тумане.

– Видимо, генетика сделала все за тебя. Ты был... неукротим.

Его глаза вспыхивают и гаснут.

– А ты не ушиблась? – Его рука касается моей блузы, перепачканной пеплом и кровью. – Господи, Нея, где больно?

Ощупывает мои плечи.

– Это кровь той птицы, я думаю. – Отзываюсь, ощущая, что меня трясет от пережитого. – Зомби меня просто отшвырнул. Бам! – Прикладываю руки к груди. – Ну, и... – Зажмуриваюсь, восстанавливая в памяти события.

Все действительно произошло молниеносно.

– Эй! – Вопит Улле. – Сюда!

Мы с Бьорном с трудом отрываем друг от друга взгляды.

– Что такое? – Свечу фонариком туда, откуда доносится голос.

– Сара! – Кричит парень.

– Господи, да все нормально! – А это уже Сара. – Убери от меня свои клешни! Говорю же: все хорошо!

– Нет!

Мы подбегаем к ним, и от увиденного у меня подпрыгивает сердце.

– Сара! – Я подхватываю под локоть пытающуюся подняться с земли подругу.

Ульрик успевает среагировать еще быстрее меня – хватает ее под подмышки.

– А-а-а! – Вздывает девчонка, опираясь на нас. – Нога!

– Нужно опустить ее. – Громыкает голос Бьорна. – Положите, дайте, посмотрю. Забирает у меня фонарик и направляет луч на нее.

– Осторожнее, – Улле укладывает Сару обратно на траву.

Я аккуратно отпускаю ее руку и делаю шаг назад.

Мы застываем от неожиданности, когда луч выхватывает из темноты бедро Сары. Оно сильно повреждено, кожа и мягкие ткани разодраны до подколенной ямки и залиты кровью.

– Нужно перевязать. – Ульрик спохватывается первым, снимает с себя рубашку, выворачивает, наклоняется к своей девушке.

– Что там? Что с моей ногой? – Пытается извернуться Сара и касается рукой раны. – Ай! – Ее скручивает от боли. – Что это?

– Небольшая рана. – Я помогаю Ульрику приладить ткань к ноге и перетянуть. – Крови не так уж много, так что, похоже, артерия не задета. Поверхностное повреждение.

– Нужно доставить ее в больницу. – Говорит Бьорн. – Вот дерьмо, сеть здесь не ловит!

– Все нормально, я могу идти сама. – Заверяет Сара. – Он просто дернул меня за ногу и немного содрал кожу. – Она морщится от боли, пока Улле завязывает рубашку узлом. – Я бежала, бежала, запнулась о корень и шлепнулась на землю. Пыталась ползти от него! – Девушка всхлипывает, прокручивая в памяти эти секунды. – Он такой страшный, я думала, сама смерть за мной пришла!

– Мы очень вовремя появились. – Вздыхает Ульрик.

– Помоги мне подняться. – Сара хватается его руку, опирается на его плечо. – Ой... – Прикусывает губу от боли.

Остатки разорванных браслетов бусинами скатываются с ее руки по одежде и падают в траву.

– Подожди, я помогу. – Улле осторожно поднимает девушку на руки и прижимает к груди.

– Да я и сама могу...

– Нет, – Хельвин качает головой, – тебе самой не дойти до города. Понесем тебя по очереди.

– Кстати, как ты оказалась в лесу? – Спрашиваю я, разглядывая в свете фонарика ссадины и мелкие раны на теле Сары.

Подруга выглядит бледной, она ужасно перепугана.

– Я не помню. – Вдруг задумывается она. – Не помню. Я прилегла... потом что-то услышала. Будто кто-то меня зовет. Чей-то голос. «Иди, иди сюда», и пошла. Я будто не могла сопротивляться ему... – Сара резко поворачивается к источнику света и щурится. – Бьорн, скажи, эти штуки все еще кружат у меня над головой?! Они здесь?!

Он опускает фонарик вниз, и мы видим, как поблескивают в темноте его зрачки.

– Нет. Их больше нет. – Выдыхает он. – Бодехи ушли.

– Боже... – Она подносит руку к лицу. – Значит, это все? Вы меня спасли? Мне ничто не угрожает?

– Нет. – Даже в темноте ощущается, что он одаривает ее теплой улыбкой. – Но это пока... – Парень оборачивается. – Нам нужно разобраться с этой мерзостью.

– А что с ней? – Сара вцепляется в плечо Улле. – Этот как его... друг – он что, может еще ожить?

Хельвин оставляет нас и движется обратно к останкам зомби. Луч фонарика мелькает в траве.

– Кто-то же его послал, так?

– Кого? Друга? – Саре трудно усидеть на руках Ульрика. – Кто-то прислал его прикончить меня?

Мы спешим за Бьорном, Улле несет свою девушку на руках. Ступаем осторожно, ведь вокруг, словно шрапнель, раскиданы останки живого мертвеца.

– Тебя и Элли со Стиной. – Слышится его голос. – И если этот человек не остановится, он может поднять из земли еще с десятков таких друзей. Колдунов, шаманов, магов, ведьм, прорицателей в наших землях было предостаточно, и каждого из них этот человек может поднять из могилы и заставить убивать.

– Но как?

– Этот кто-то тоже обладает некоей силой. – Хрипло говорит Бьорн. – И главный вопрос тут не «как?», а «зачем?» Зачем ему это нужно? Почему он убивает девушек? Какая у него цель?

Мы останавливаемся возле черепашки зомби, валяющейся рядом с тем, что осталось от его позвоночника и грудины.

Пустоты глазниц, съехавшая на сторону челюсть, черный провал носа, истлевшие мышцы, куски сухожилий. Пугает даже не вид, а соответствующий запах тления – он усилился, когда Хельвин разорвал мертвеца на части. И воняет теперь не только от друга – Бьорн тоже весь пропитался этим зловонием.

– Мощно. – Оглядывает траву вокруг Ульрик.

– Его будто провернули через огромную мясорубку. – Воскликает Сара, глядя вниз.

– Можно было привязать его к дереву и дожидаться рассвета. – Оправдывается Бьорн. – При первых лучах солнца друг превратился бы в камень, и его можно было разбить. – Парень смотрит на каждого из нас по очереди. – Но вряд ли разбить камень проще, чем усмирить живой труп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.